

Андрей Красильников

СТАРИННОЕ

ДРЕВО

Андрей Красильников

Старинное древо

Издательство "Руда"

2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)

Красильников А. Н.

Старинное древо / А. Н. Красильников — Издательство "Руда",
2014

ISBN 978-5-87902-297-1

В роман «Старинное древо», посвящённый истории одного рода за последние четыреста лет, включены документальные материалы и цитаты из «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва. Действие романа разворачивается в Москве, а также районном центре Ольгин в бывшей Северной земле. Под этим названием скрывается реальный город Льгов Курской области. В романе под вымышленными именами действуют его современные жители. Центральным событием становится празднование 850-летия города в 2002 году, участником которого был и сам автор, приглашённый как потомок одного из земских деятелей XIX века. Параллельно исследуется история самобытного русского парламентаризма, начиная с Земского собора 1613 года.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-87902-297-1

© Красильников А. Н., 2014
© Издательство "Руда", 2014

Содержание

Предисловие	6
Старинное дерево	11
Глава первая	13
Предание первое. Спасительное дерево	25
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Николаевич Красильников

Старинное дерево

© А.Н. Красильников, 2014 (роман «Старинное дерево»)

© А.С. Воронкевич, 2014 (предисловие)

Предисловие

Обычно разговор о творчестве Андрея Николаевича Красильникова начинается с суждений о его новаторстве в литературе. Так было и в случае с пьесой «Гений и Смерть», впервые написанной октавами. Так было и после того как в основанном им вместе с Г.И. Зубковым телевизионном политическом театре прошла премьера спектакля «Почему убили Улофа Пальме?», где соавторы впервые применили стиль, получивший впоследствии название «вербатим» (напомню: в его основе – отталкивание от факта, от документального материала и дальнейшее доведение до зрителя живыми актёрами). Так было и с предыдущим романом «Терпеливая история», жанр которого сам автор определил как *кондиционный*.

Однако неоспоримое достоинство «Старинного древа», несомненно, представляет его строгое следование традициям великой русской прозы, хотя поводом к написанию послужили реальные события, с детальной точностью изложенные при описании празднования юбилея города Ольгина.

На самом деле, это город Льгов в Курской области. Автор действительно побывал на торжествах и совершил на следующий день поездку в родное село своего отца. Но все персонажи, пусть и имеют реальных прототипов, вымышленные. Да и сам главный герой несколько не похож на своего создателя.

Тут надо особо отметить, что писатель за тридцать с лишним лет своей активной творческой деятельности никогда не прибегал к жанру автопортрета. Даже в дебютном романе «Отпуск», основное действие которого происходит не только в его посёлке, но и на улице, где он почти безвылазно живёт в последние полтора десятилетия.

Композиция «Старинного древа» сложна и многопланова. Здесь можно говорить о тщательно выстроенной системе образов, включающей не одного героя, чьё жизнеописание подпадает под классическое определение «диалектики души», а не «диалектики поведения», как чаще всего происходит в современной прозе. Это и всё семейство Берестовых, и вошедшая в него ближе к финалу романа Виктория Муравьёва, и отвергнутая ради неё Алиса Митькина. Но и те характеры, которые не подверглись такой тщательной проработке (краевед Стреломухов, эмигрантка Божкова, троицкие крестьяне, банкир Михаил Давыдович, парламентарий Митькин, пенсионер Александр Гурамович и др.), выписаны со скульптурной рельефностью, вышли как из-под резца настоящего ваятеля, а не автора эпатажных инсталляций. Используя точное наблюдение Максима Кантора, можно утверждать, что Андрей Красильников один из немногих сегодня, кто мыслит *образами*, а не *знаками*, что так свойственно современной чёрноквадратной литературе. Во всём романе нет ни малейшего её элемента, если не считать умелое и нарочитое пародирование столь модного нынче эротизма в нескольких эпизодах. Именно пародирование, ибо самостоятельной темой страсти, порождаемые пресловутым «основным инстинктом», не становятся.

Роман «Старинное древо» занимает особое место в творчестве писателя. В нём сведены вместе темы и мотивы более ранних произведений. Он наиболее сложен, в сравнении с другими произведениями Андрея Красильникова, и по построению. С одной стороны, пунктиром проходят судьбы предков главного героя – десять преданий от времён избрания на царство первого Романова до постреволюционной эпохи XX века, фактически вплоть до начала Второй мировой войны. С другой стороны, идёт неторопливый рассказ о том, как главный герой уже в наше время взялся возродить к жизни свою «малую родину», расположенную под Курском, – городок Ольгин, село Троицкое. Главный герой, топ-менеджер некоего банка, едет туда на праздник, посещает имение своих предков, местный музей, где сохранены многие фотографии членов его семьи, пытается выполнить давние распоряжения отца, если хотите, раздать старые долги. В конце концов у него созревает идея организовать там в благотворительных

целях гольф-клуб – разумеется, с участием иностранцев. Этот рассказ осложняется и размышлениями героя о современной политике, и различными перипетиями его личной жизни.

Однако в романе есть ещё один, можно сказать, главный герой, вернее, герои. Начиная с первого исторического персонажа, Петьки Мотыги, все члены этой родовой цепочки высаживали в имении жёлуди береста. Отсюда и пошла фамилия – Берестов. И шумела через несколько веков мощная роща, и полагалось каждому следующему Берестову высадить хоть один новый саженец.

Ко времени, описываемому в романе, от рощи осталось только одно дерево. (Вот почему название романа можно рассматривать как многозначное: это и отсыл к общепринятому генеалогическому понятию, это и обозначение того самого «героя».) И надо же так случиться, что именно оно стало помехой для создания гольф-клуба! Но отец, Александр Берестов, автор идеи, не решился сказать сыну, носящему родовое имя Пётр, что дерево надо убрать.

«...Это же бензопила! Они хотят уничтожить наш берест! – в отчаянии от внезапной догадки прокричал Петя и ринулся вперёд... Он подлетел к могучему бересту с противоположной от лесорубов стороны, широко раскинул руки, словно пытаясь защитить ими фамильную реликвию, и так и принял её в свои объятия».

Вот и возникает некое противоречие. С одной стороны, Александр Берестов – безусловно, симпатичный человек. Такому восприятию его способствует и выработанная автором, давно и сознательно избранная манера так называемого «нейтрального» повествования, которая неизбежно ведёт к использованию несобственно-прямой речи – для изображения, к примеру, переживаний персонажей. Андрей Красильников, что называется, *понимает* своих героев (за исключением откровенно сатирических типажей, которых особенно много в его пьесах), и читатель невольно начинает им сочувствовать. Но, с другой стороны, все предки Александра Берестова были люди служилые, даже государственные, и фамильную берестовую рощу пополняли по мере сил. А он, во-первых, трудится в частном банке (труд, скажем так, оцениваемый неоднозначно), а во-вторых, становится виновником трагического финала.

Вернёмся к композиции. Казалось бы, предания не связаны с событиями начала третьего тысячелетия. Однако они несут тройную фабульную нагрузку: во-первых, повествуют не просто об истории России романовского периода, а об истории отечественного парламентаризма; во-вторых, раскрывают те семейные связи и секреты Берестовых и их родственников, которые современным героям либо ещё суждено открыть, либо так никогда и не узнать (что придаёт особый трагизм основному повествованию); в-третьих, служат одним из слоёв сложного построения романа, имеющего три плана: реальный, фантастический и исторический. Последнее отсылает нас к лучшим образцам отечественной литературы двадцатого века (Булгаков, Айтматов), а в последние полтора десятилетия использовалось лишь отдельными смельчаками (тот же Айтматов, Айпин, Юзефович). Любопытно, что история самобытного русского парламентаризма на поверку оказывается историей постепенного понижения роли реального народоправия, коллегиальности принятия решений. От соборности при возведении на престол первого Романова, через своеобразную систему выборности двух Петров и Анны Иоанновны до полной профанации этого политического института сегодня.

Если члены Земского Собора середины XVII века обладали практически всей полнотой законодательной власти и представляли все сословия тогдашнего общества, то «верховники» времён Анны и участники Уложенной комиссии времён Екатерины полностью зависели от монаршей воли и были в первом случае репрессированы, а во втором распущены. Такая же участь ждала депутатов Первой Государственной Думы и последнего Верховного Совета.

Из темы парламентаризма вырастает тема генезиса демократии, над которой бьются отец и сын Берестовы, делая её предметом научного изучения.

Здесь нельзя не вспомнить, что сам автор в 90-е годы был главным редактором возрождённых некрасовско-щедринских «Отечественных записок» и пытался в этом качестве разьяс-

нить читателям существенную разницу между демократическим и либеральным типом мышления, которую далеко не все понимают у нас до сих пор. Пример великих предшественников показывает, что два эти лагеря никогда не действовали сообща и всегда находились во вражде. Возможно, поэтому единая оппозиция невозможна у нас и сегодня. Вспоминается пророчество, высказанное Андреем Красильниковым на страницах своего журнала сразу после событий октября 1993 года: «...выстрелы на Краснопресненской набережной отразились на российском обществе также, как и картечь на Сенатской площади в декабре 1825 года.

Оно впало в депрессию.

Началась эпоха безвременья».

Эпоха безвременья в девятнадцатом столетии, как мы знаем, длилась три десятилетия. К сожалению, пророчество автора «Старинного древа» имеет все шансы сбыться и в наши дни.

Действие самого романа относится к зениту этой эпохи, когда стало ясно, что последние очаги демократии (первые две Государственные Думы, имевшие остаточный запал оппозиционности) подавлены, выборов на волне пассионарности рубежа 80-90-х годов сменили нонконформисты или назначенцы, а общество в целом зависит от воли бюрократов и лояльных олигархов. При этом города в глубинке как были, так и остаются без новых рабочих мест и канализации, а сёла – без водопровода и газа, даже если он по дороге в Европу проходит по окoliце. Объективное воссоздание социального фона, описание жизни современных крестьян без сгущения красок (в Троицком люди живут сыто и относительно уютно) – одна из самых сильных сторон романа как свидетельства российского быта начала нового века. Но автор возлагает вину за катаклизмы предыдущего столетия не столько на обусловленные тяжёлой поступью Истории обстоятельства или чьи-либо злокозненные действия, сколько на самих пострадавших: за те бесчинства, которые они и их родители когда-то устроили сами, либо им попустительствовали.

На этой почве вырастает главная тема произведения, которую отечественная литература стыдливо обходила долгие десятилетия.

Прежде чем говорить о ней, вспомним биографию самого писателя.

Андрей Красильников родился в 1953 году в Москве. Окончил Литературный институт им. Горького в 1982 году (семинар драматургии В.С. Розова и И.Л. Вишневской) и уже на следующий год, в канун своего тридцатилетия, стал членом Профессионального комитета московских драматургов, что дало возможность посвятить себя полностью творческой деятельности. Автор двадцати с лишним пьес и сценариев, трёх романов и множества произведений малых жанров поэзии и прозы, опубликованных в периодической печати. Известен также как общественный деятель. В 1993 году представлял писательский цех на Конституционном Совете, затем был членом Общественной палаты, членом рабочих групп по подготовке различных законопроектов.

Андрей Красильников не только профессиональный, но и потомственный писатель. В его роду водились литераторы и в XVIII веке. На сегодня он едва ли не единственный в нашей литературе, кто может похвастаться происхождением от членов прославленного Вольного общества любителей российской словесности, действовавшего в Петербурге до восстания декабристов. В нём за всю его недолгую историю были всего четыре женщины. Одна из них – Людмила Ивановна Коростовцева (дочь писателя ещё екатерининских времён Ивана Васильевича Коростовцева) вышла замуж за знаменитого адмирала Петра Ивановича Рикорда, отличившегося и как флотоводец, и как исследователь мирового океана, и как дипломат, и как администратор, и как организатор морского дела, и как литератор, чьи «Записки о плавании к японским берегам...» до сих пор остаются крупнейшим памятником допушкинской реалистической прозы. Андрей Красильников – прапраправнук этой единственной семейной пары писателей «золотого века». Он рано потерял отца, скончавшегося от рака, когда сын ещё не ходил в школу. Воспитывала мальчика бабушка – выпускница Московского Екатерининского института благород-

ных девиц ещё в XIX столетии, настоящая русская помещица. Именно она стала прототипом Зои Берестовой в романе. Из её рассказов будущий писатель не только узнал много важного о реальной действительности (о трагических событиях русской революции очевидцы редко вспоминали вслух, боясь рецидивов репрессий), фактов истинной, а не газетной правды, но и сумел почувствовать их нерв, ощутить боль представителей сословия, давшего России всех её великих полководцев, государственных мужей, деятелей культуры, безжалостно истреблённого или изгнанного в кровавую послеоктябрьскую эпоху. Донести эту боль до читателя, показать вредительскую сущность политики полного забвения и искажения отечественной истории, иными словами, правдиво отобразить судьбу русского дворянства после февраля 1917 года стало одной из важнейших целей романа «Старинное древо».

К этой теме писатель шёл практически всю жизнь. Она частично отразилась в романе «Отпуск», частично в пьесах «Возвращение ветра», «Тучка золотая» и даже в одном из драматических анекдотов четырёхчастных «Примет времени» («Безвозвратно»), Новый роман, который Андрей Красильников готовится выпустить к столетию Первой мировой войны («Четвёртое благословение»), тоже посвящён ей. Это и понятно: своеобразный геноцид против целого сословия, как и его пагубные последствия, – трагедия национального масштаба. И здесь правильной говорить уже не только о тематике, но и о проблематике романа.

Тут я позволю себе небольшое отступление и самоцитирование.

В книге «Что есть искусство?» (М., 2011) автору этих строк уже приходилось прибегать к термину, введённому в оборот Л.С. Выготским, – противочувствие, и доказывать, что «... стержень искусства – это та *эстетическая реакция (противочувствие!)* посредством которой создатель произведения передаёт аудитории некую новую нравственную информацию, кою он, создатель, сам начинает в должной степени постигать только в процессе сочинения. Причём, будучи не только создателем, но и таким же членом аудитории по отношению к своему созданию, как другие, постигает эту информацию далеко не всегда полно и адекватно. То есть можно сказать и так: художника осеняет Дух Божий, и он в меру своих сил стремится сконструировать специфический многоуровневый механизм для воплощения этого Духа в доступных для психики человека формах, познавая его в процессе воплощения.

Если такого Послания Духа нет, значит, это просто подделка, умело раскрученная дребедень.

Портрет, пейзаж или натюрморт так же, прежде всего, являются способами возбуждения у зрителя *эстетической реакции*, с помощью которой художник только и может донести до аудитории некую нравственную информацию, которую и сам-то он, художник, в какой-то мере осознал лишь в процессе создания своей картины...

...именно анализ *противочувствия* позволяет понять и то, насколько “легко, без мигрени” воспринимается данное произведение, и то, насколько в нём виден человек, а не просто автор, насколько проявлен Дух Божий, а не сконструирована от скуки очередная пустая игра».

Роман «Старинное древо» отвечает самым высшим эстетическим критериям. Вот почему, задавшись целью отразить судьбу одного сословия, автор неизбежно показывает и судьбу другого. Так, как Андрей Красильников, о русском крестьянстве не писал ещё пока никто. Он его и любит, и жалеет, и с безжалостной правдивостью демонстрирует все постигшие его в двадцатом столетии беды, и вместе с тем указывает на его же собственную ответственность перед Историей, во многом приведшую к этим бедам. Причём делает это не в форме отвлечённых рассуждений, а на примере реальных, живо написанных образов. Достаточно приглядеться к таким необычным персонажам, как Фёдор Сивков или Алёна Божкова. Случившие с ними метаморфозы ясно и наглядно показывают, каким неоднозначным был двадцатый век и какой витиеватой жизненной тропой продвигалось по нему русское крестьянство.

Фантастический план в романе связан не только с чудесами, рассказанными в преданиях. Никем не объяснённые до сих пор явления, вызванные особенностями Курской магнитной ано-

малии, позволили пусть не **правдиво** (это же художественное произведение), но вполне **правдоподобно** выстроить самостоятельную линию, опирающуюся на традицию того самого пресловутого **галлюцинаторного реализма**, за который китайский прозаик Мо Янь был недавно отмечен высшей литературной премией мира. Но не буду отнимать у читателя удовольствия от непосредственного восприятия этих страниц. Напомню лишь, что такое композиционное построение, включающее три разных плана (исторический, современный и фантастический), свидетельствует о литературном мастерстве самой высокой пробы.

Автор прекрасно ощущает пульс биения современной жизни, но передаёт его не уныло, не надрывно и не многословно, как это любят делать многие современные писатели, а двумя-тремя мазками Мастера, легко и прочно запечатлевающимися в памяти читателя, и опять-таки: в образах, а не рассуждениях. Вот и здесь: леденящая душу история теракта на Дубровке показана с предельной лапидарностью, но не становится от этого менее страшной. Или любимый предмет споров патриотов и либералов последних лет: так называемая фальсификация недавней истории. Писатель приводит свой, незатасканный на телешоу пример и лаконично, но убедительно показывает, кто является истинным фальсификатором и насколько его изощрённость опасней простой человеческой глупости и невежества, легко опровергаемых многочисленными живыми участниками и очевидцами сравнительно недавних событий.

Что касается прошлого, то Андрей Красильников неспроста называет в предисловии Сергея Михайловича Соловьёва соавтором вставных преданий. Фактический материал для них действительно взят из его «Истории России с древнейших времён». Но это не плагиат, а умышленное следование авторитетному, научно выверенному источнику, хотя и не единственному в своём роде.

Нельзя не отметить и роль диалогов в романе. Основная литературная специальность Андрея Красильникова, как известно, драматургия. Присущее ему острое чувство жанра позволяет всякий раз, когда это возможно и уместно, переходить от монотонной интонации повествователя к живому разговору героев. От этого роман только выигрывает: он читается легче, сюжет становится увлекательней, а язык разнообразней. Вполне допускаю, что кое-кому мысли автора покажутся спорными, выводы ошибочными, но в чём абсолютно уверен: читать «Старинное древо» никому не будет скучно.

Сейчас, как я уже упоминал, Андрей Красильников занят историко-биографическими изысканиями. В его роду было много людей, которые смогли стать частью Истории. Они, конечно, были разными, эти люди, но главный стержень в них присутствовал всегда: расценивали свои поступки сквозь призму пользы Отечеству. Главному либеральному тезису: *человеческая жизнь – высшая ценность* противопоставляли девиз: *честь важнее жизни*. Думаю, роман «Старинное древо» стал важным этапом для подхода к крупномасштабной семейной саге, первую часть которой мы с нетерпением ждём от писателя уже в этом году.

Андрей Воронкевич, кандидат филологических наук

Старинное древо

Да, мальчик, повторю тебе, что не могу не уважать моего дворянства. У нас создан веками какой-то ещё нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. Это – тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народе русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек – может, более, может, менее – но вся Россия жила лишь для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажут – мало, вознегодуют, что на тысячу человек истрачено столько веков и столько миллионов народу. По-моему, не мало.

Ф.М. Достоевский

Предупреждение

Автор, закалённый опытом работы с театром, хорошо знает стремление всех, имеющих вторичное отношение к литературному произведению, переиначивать текст по собственному вразумлению. Раньше такого себе не мог позволить никто. Теперь появились господа режиссёры, почитающие дурным тоном исполнить свой долг перед пьесой в полном согласии с волей её создателя, то есть воплотить на сцене то, что написано на бумаге.

Таково новшество века двадцатого. Сейчас наступил уже двадцать первый. Как знать, не захотят ли господа полиграфисты последовать примеру режиссёров? Пока их отношение к искусству видится большинству людей как сугубо вспомогательное. Но сто лет назад так же расценивалось и ремесло театральных постановщиков. Вдруг лавры последних настолько вскружат головы печатников, что и они начнут публиковать романы вверх тормашками или, по меньшей мере, переставляя местами главы?

На всякий случай предупреждаю: хотя вставные предания могут показаться совершенно самостоятельными, они композиционно связаны с сюжетом и, несмотря на то, что действие их происходит задолго до основных событий, органически входят в ткань повествования. Поэтому читать роман, вне зависимости от того, в какой последовательности будет скомпонован текст каким-нибудь реформатором печатного станка, следует согласно авторскому замыслу, то есть по одному преданию после каждой нечётной главы.

Наверняка кого-то удивит, почему при такой настойчивости писатель не поступил наиболее простым способом, введя общую сквозную нумерацию всех составных частей своего произведения. Получилось бы ровно тридцать глав, и изменить очерёдность их набора стало бы гораздо сложнее даже самому изоцирённому типографу.

Но дело в том, что с разрешения самого сочинителя ленивый читатель (каковых в новом веке будет всё больше и больше) может вовсе не открывать ни одну из относящихся к современности глав и ограничиться самым малым – вставными рассказами из отечественной истории. Даже за такое внимание слагатель их будет ему сердечно признателен, да и он получит пусть усечённое, но вполне законченное представление об одной из линий романа. Опрометчивей поступит тот, кто, наоборот, опустит при чтении все предания (славное имя соавтора которых, надеюсь, не надо напоминать образованному русскому человеку). Однако и сей «эконом» сможет, смею надеяться, вынести нечто полезное для себя от знакомства с основной канвой повествования, не сильно оскорбив при этом чувства писателя.

Повторяю: послабления относятся только к читателю и вовсе не дают права издателям выпускать книгу без преданий или состоящую из них одних. Более того, подобную волюность автор им решительно запрещает.

Впрочем, вступление это скорее всего напрасно: если предсказанная в нём очередная революция в искусстве коснётся и книгопечатания, строк этих, разумеется, никто никогда не увидит.

Глава первая

Соседка впорхнула в вагон в самый последний момент, когда Александр, стоя в тамбуре, перебирал в воздухе пальцами выставленной вперёд ладони, адресуя этот прощальный жест провожавшим его жене и сыну. Для такого случая он всё рассчитал правильно: если бы остался махать своим домашним в купе, то Катя наверняка разглядела бы появившуюся там женскую особь и могла вообразить бог весть что. А так её внимание ограничилось широко улыбающимся из-за спины толстушки-проводницы мужем.

Сам же он периферийным зрением заметил, как девица с дорожной сумкой через плечо юркнула именно в его временное обиталище – самое ближнее от входа. Лица её Александр рассмотреть не успел, но фигурка ему понравилась сразу: при небольшом росточке она казалась точёной, скульптурной, хотя удлинённая бесформенная куртка (такие обычно носят рыночные торговки) скрывала всё, кроме стройных ножек, обутых в модные туфли с непомерно длинными и даже чуть загнутыми кверху носами. Помня иллюстрацию из любимой в детстве книжки, он называл такой фасон «маленький Мук».

Дождавшись, когда состав наберёт ход и движущимся вослед ему жене с сыном уже не удастся дотянуться взором до заветного окна, заметно повеселевший от предвкушения приятной поездки пассажир направился в своё купе и по-хозяйски отдёрнул вбок дверь.

– Ой, простите, – услышал он нежный девичий голосок.

– Пожалуй, извиняться надо мне, что вошёл без стука, – смущённо изрёк Александр и отвёл в сторону глаза, успевшие, однако, запечатлеть весьма аппетитный вид соседки. Та стояла в одном белье, обе нехитрые детали туалета были настолько узки и прозрачны, что никаких доступных человеческому взгляду тайн её тело больше не таило.

– Мне показалось, будто я тут одна, – виновато сказала девица и в одно мгновение запрыгнула на верхнюю полку. (Правильно показалось: чемодан он убрал под сидение и никаких других следов не оставил.) – Меня Викторией зовут, – представилась она уже оттуда.

– Александр Петрович, – громко прозвучало в ответ. Назвать одно имя значило бы разрушить очередную преграду, а с этим спешить не стоит.

– Вы, конечно же, москвич, – раздалось сверху скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Как вы догадались? – на удивление шаблонно отреагировал голос снизу. (А ведь можно было вместо этого тривиального вопроса произнести что-нибудь оригинальное и сразу приступить к обольщению неопытности.)

– Да у себя в Ольгине мы каждого человека знаем. Ну а таких видных мужчин – тем более.

Э, да у этих провинциалок, видать, принято оплошно обнажать не только плоть!

Первая фраза произносилась на верхнем ярусе, а последняя – уже внизу. Виктория ловко спустилась на пол и предстала перед Александром в обтягивающем спортивном костюме.

Первое, что моментально бросилось ему в глаза, – невероятно узкая талия. Такие раньше называли осиными. Теперь не называют никак, потому что их просто нет. Даже участницы многочисленных конкурсов красоты блистают чем угодно: ногами, плечами, руками, бюстом, но только не той частью женского тела, которая в прежние времена составляла едва ли не главную прелесть девичьего облика. Линии стана и крутизна бёдер Виктории напоминали изображение античной богини.

Он удивился, что только сейчас разглядел эти совершенные формы, и поймал себя на огорчительной мысли: похотливый самец начинает побеждать в нём эстета.

В этот момент в купе вошла проводница.

– Прошу билетки. И за постельное бельё тридцать рубликов, – заверещала эта бесцеремонная особа, боком протиснувшись в дверь из-за своих непомерных телес. – Кому нужно чайку – не стесняйтесь.

Оба пассажира молча протянули ей билеты и пятидесятирублёвые купюры.

– Так, первое местечко, второе местечко, хорошо... За постель рассчитаемся после чая.

– Мне чая не надо, – сказала обладательница осиной талии.

– Мне тоже. Ни чая, ни сдачи, – уточнил Александр, и его тут же осенило: вот откуда происходит понятие – чаевые. Небось, с николаевских времён таким нехитрым образом с пассажиров вымогали довесок к жалованию.

Но по-настоящему голова была занята другой мыслью, что обнаружил неожиданно даже для него самого сорвавшийся с губ вопрос:

– Можно девушке устроиться на нижней полке?

– Не знаю, не знаю, – явно набивая цену за возможную услугу, продолжила своё верещание проводница. – Могут в Туле подсесть, в Орле...

– Спасибо, но мне удобней наверху, – отчётливо изрекла юная богиня, поставив в ложное положение добровольного ходатая. Это положение ещё более усугубила следующая реплика:

– Особенно наедине с мужчиной.

– Могу тебе, доченька, другое купе подыскать, женское, – обрадовалась новой возможности отработать так хорошо лежавшие в кармане двадцать рублей проводница.

– Благодарю за заботу, но я уже устроилась. Да с мужчиной, на самом деле, гораздо интереснее, – лишила её последней надежды несговорчивая пассажирка.

– Как хочешь, – не очень любезно произнесла особа, не имевшая никакой талии, и удалилась, так и не дав сдачи, но и не попрощавшись.

Александр пристальней всмотрелся в соседку. Теперь, когда она сидела напротив и не только талия, но даже стройные ножки, оказавшиеся под столиком, не были видны, вся привлекательность мигом исчезла. Вспомнились частые разочарования юности: идущая впереди девушка казалась со спины Афродитой, но стоило обогнать и обернуться, иллюзия мгновенно развеивалась как дым. Так и тут: фигурка фигуркой, а вот личико явно подкачало – на мисс Вселенная никак не тянуло, и на мисс Ольгин, пожалуй, тоже. Простецкое оно какое-то, и нос слегка вздёрнут, и рот широкий, плебейский. Такие губы его явно не манят.

Нет, с Машей ни в какое сравнение не идёт. Машу всегда хочется целовать. Даже если она сонная, неумытая, неприбранная. Настолько притягательны её уста.

Но хватит душу травить! Всё равно никакой Маши рядом нет и не будет ещё несколько дней. Не будет и Кати, которую он, несмотря на существование блистательной юной подруги, любит ничуть не меньше, чем двадцать лет назад, когда они только поженились. С попутчицами в поезде можно позволить себе лишь лёгкий флирт – не больше. Слишком дороги оказываются потом эти солнечные удары в пути.

Александр не был однолюбом, но и донжуанством не страдал. Он признавал лишь самый минимальный набор, необходимый каждому мужчине: любовь небесная и любовь земная. Небесная, разумеется, жена, мать собственного ребёнка. Иначе как можно прожить с человеком весь отпущенный тебе срок! И не только лучшую его часть, но – если случится – долгую тягучую старость, о которой он не мог думать без содрогания, вспоминая собственных родителей. Спали последние лет тридцать в разных кроватях, а ворковали друг с другом, как юные голубки. Неужели и ему предстоит такая пытка? Вот почему надо иметь любовь небесную. Одну-единственную на всю жизнь: ведь она может оказаться непомерно долгой и мучительно тяжёлой.

Земная должна быть тоже единственной. Но время от времени разной, поскольку плотские утехы с постоянной партнёршей быстро приедаются, теряют остроту тех греховных ощущений, ради которых приходится обманывать любимую супругу и устраивать всякие приключения. Разнообразить эти приключения тяжело, а с новой пассией можно повторять одни и те же и даже чувствовать себя при этом помолодевшим. Например, поездки в Суздаль с афинскими ночами в тамошнем мотеле. Скольких уж он туда перевозил, и каждый раз испытывал

те же эмоции, что в первый раз, в далёком семьдесят восьмом, с самой первой, самой бесстыжей (о, застойные времена всегда наименее пристойные). Кстати, с Катей он в те края не навещался, и это хорошо: теперь легко говорить о командировках в сей древний град, не боясь вызвать опасных подозрений и ассоциаций.

Да, такого, как он, в пору называть *полуторалюбом*. Одну любит по-настоящему, другую в полнакала, дополняя недостающую половину звериной страстью. Или совсем не любит, а только вожделеет? Нет, всё-таки немножко любит, ибо без слабого зародыша этого чувства не мыслит себе какие-либо интимные отношения с женщиной.

Вот, например, сейчас: сидит перед ним девушка, безусловно, вызывающая желания своими идеальными формами. Но стремиться к удовлетворению желаний он не станет. И не только потому, что в самый кульминационный момент стройные ножки и осиная талия скроются от его взора, а предстанет ему вырубленное топором лицо. Просто без влекущего к человеку чувства он не сумеет воспламениться, не сумеет превратить свойственный каждому млекопитающему акт в высшую из всех возможных форм человеческих отношений, когда два тела отправляются в совместный полёт по самой причудливой орбите и одновременно преодолевают земное притяжение, выходя в космос истинной любви.

– Может, вы уже хотите спать? – прерывает его размышления девичий голосок.

Александр инстинктивно бросает взгляд на часы: всего-то половина двенадцатого. Правда, вставать придётся довольно рано, и с рациональной точки зрения – самое время укладываться. Но разве в такую рань уснёшь, даже если это очень нужно?

– Нет, что вы. Я раньше двух никогда не ложусь.

– А встаёте во сколько?

Нелепый обывательский вопрос! Обычное ничего не значащее любопытство, которое он терпеть не может. Хотя нет, всё гораздо тоньше: ответ позволяет определить, ходит ли человек на работу – есть же такие счастливицы, кому этого делать не надо.

– Мне на службу к десяти, поэтому могу поспать до половины девятого.

– И за полтора часа всё успеваете? – с ноткой сомнения вопрошает юная попутчица.

– Час на сборы, полчаса на дорогу – как раз получается.

– А я думала, в Москве меньше, чем за час, никуда не добраться, – с детской непосредственностью произносит Виктория. Да ей и в самом деле никак не больше двадцати.

– За полчаса я и пешком могу дойти: живу в центре, работаю тоже. Кстати, на машине почти столько же выходит: светофоры, пробки, развороты...

Ну вот, вместо того чтобы просветить её своими вопросами, как рентгеновскими лучами, сам рассказывает о себе! Нет, нужно резко развернуть разговор на сто восемьдесят градусов.

– У вас-то, наверное, за тридцать минут весь город обойти можно?

– Тридцать минут вы будете от вокзала до центра добираться. А до нового квартала, где я живу, и вовсе не меньше пятидесяти. А то и час.

– Вот как! – удивился Александр. – Сколько же человек живёт в Ольгине?

– Больше двадцати тысяч – это факт. Но меньше двадцати пяти. Точно не знает никто.

– У нас микрорайоны населённой. И всего-то тридцать-сорок домов. Три-четыре автобусные остановки.

– Вы в небеса карабкаетесь, а мы ближе к земле стремимся. У нас половина семей собственный дом имеет. А многоквартирные – не выше трёх этажей.

В дверь просунулась физиономия толстозадой проводницы.

– Прибываем в Ольгин в девять ноль-ноль. За час – санитарная зона. Разбужу в семь.

– Почему так рано? – не удержался от удивления Александр.

– Пока подниметесь, пока умоетесь...

– Нам для этого пятнадцати минут достаточно.

– Вам да. Но таких, как вы, двадцать с лишним гавриков. А туалета – всего два.

Спорить было бесполезно.

– Чай пить не надумали?

– Нет, – хором ответили оба пассажира.

Проводница глубоко вздохнула и сделала шаг вперёд.

– Держи, дочка. Только сейчас разменяла.

На протянутой ладони, прижатые большим пальцем, лежали две десятирублёвки.

– Теперь можно записаться, – таинственно произнесла Виктория, когда проводница покинула купе, и закрыла дверь на боковую защёлку. Видно, ждала этого явления. Видно, двадцать рублей для неё не лишние. И повадки вагонной вымогательницы ей хорошо знакомы.

– Часто вы ездите этим поездом? – спросил Александр.

Ответ поверг его в шок:

– Каждую неделю. В субботу туда, в воскресенье обратно.

Он быстро прикинул в уме. Получалось в месяц долларов сто двадцать – сто пятьдесят, в зависимости от количества выходных. В плацкартном было бы куда дешевле. Раз девица шикует – значит, зарабатывает неплохо. Уж не на панели ли?

Его сомнения развеяла она сама:

– В Ольгине никакой работы нет. Приходится мотаться в Москву. А на единственный выходной тянет домой, к папе с мамой. Ползарплаты на дорогу уходит.

– Зачем же тогда покупать такие дорогие билеты? – не удержался от естественного вопроса Александр.

– Обратно беру плацкарт. Спать там невозможно. Не хочется к родителям разбитой приезжать.

– А на работу можно?

– Назад в Москву поезд в семь утра приходит. Примешь душ, кофе крепкого выпьешь, два раза потрясёшься в метро – и ты в полном порядке.

Боже, какая уверенность и расчётливость исходит из этого тщедушного с виду тельца!

– И давно вы живёте в таком режиме?

– Второй год. Как школу окончила.

Ага, так ей всего восемнадцать! Конечно, устать ещё не успела.

– И что за служба, если не секрет?

– На секретную нас не берут. Самая обыкновенная. Секретаршей в фирме.

– Фирма, небось, торгует? Причём оптом.

– Ну, вы прямо Шерлок Холмс, – восторженно отозвалась девица.

Александр не стал объяснять, почему в столичной розничной торговле иногородних секретарш не держат, к тому же дольше года. Он внезапно почувствовал знак судьбы в этой случайной встрече и решил не откладывать дело в долгий ящик:

– Переходите ко мне в банк. Сможете ездить в купе и туда и обратно. И не на один день, а на два.

Его собственная секретарша Верочка, хоть и скрывала от него, так сильно раздалась в талии (которой у неё, как и у большинства, и раньше-то не замечалось), что сомнений не возникало: месяца через два станет матерью. А возвращать её после родов на прежнее место он не обязан: закон позволяет ткнуть в какой-нибудь филиал. И деловые качества не те. Впрочем, они и здесь не будут лучше. Но много ли нужно от девочки на телефоне? А для него эта Виктория – живая связь с властно врывающимся в его жизнь Ольгиным, хоть тоненькая, но прочно удерживаемая в руках ниточка. К тому же она никого в Москве не знает. Лишь дилетант сочтёт это явным минусом. Гораздо хуже, когда знаешь всех: такое он уже испытал и продолжает испытывать на примере беременной Верочки. Нет уж, лучше какая-нибудь Элиза Дулитл, для которой что лауреат Государственной премии, что депутат Государственной Думы,

что некстати объявившийся однокурсник с пустым карманом – одно и то же. Кстати, голосок у неё вполне презентабельный. И речь достаточно правильная, не как у цветочницы.

Эти размышления заставили его на какое-то время замолчать. Ни слова не проронила и она. То ли от неожиданности, то ли от волнения. Возникшую паузу пришлось прерывать ему:

– Я вполне серьёзно предлагаю. Я вообще серьёзный человек: вице-президент по связям с общественностью. Моя секретарша вот-вот в декретный отпуск уйдёт, а заняться поисками новой мне некогда.

Конечно, он преувеличил: у них для таких дел отдел кадров существует – в пять минут замену отыщут. Но она-то об этом не догадывается.

– А что делать надо?

Уже хорошо: первый вопрос не о зарплате, а о работе.

– Приходить к десяти, отвечать на телефонные звонки, соединять меня с разными людьми, набирать тексты писем, отправлять их по факсу. Умеете?

– Конечно.

– Так по рукам?

Никакого восторга на лице. Одна озабоченность.

– До скольких работать?

– Ровно в шесть вечера вы свободны. Обеденного перерыва как такового у нас нет. Обедать будете в соседней комнате. Бесплатно. На это время вас придут подменить. Суббота и воскресенье выходные. Поездки домой и оплата проживания за счёт банка. Официальная зарплата такая же, как на старом месте. О содержимом *конверта* поговорим позже.

– Я, между прочим, за комнату не плачу, – гордо заявила Виктория. – Живу у родной тёти, маминой сестры. Она с меня денег не берёт.

– Хорошо, больше останется на всякие финтифлюшки. На квартирные расходы вы всё равно будете получать, а расписка от тёти нам не нужна.

– Что ещё от меня потребуется? – с лёгкой игривостью поинтересовалась собеседница, но Александр поначалу не придавал значения смене интонации.

– Наверное, то же, что и на старой работе. Разные мелочи.

– Нельзя ли сразу уточнить: какие? – в той же манере продолжила Виктория.

– Самые обычные: получать почту, отправлять телефонограммы, поливать цветы, наконец. Да, чуть не забыл: подавать чай или кофе с шоколадными конфетами и печеньем во время переговоров с особо важными посетителями.

– Больше вы ничего не забыли? Про особо важных посетителей.

Тон уже становился вызывающим. Александра начинало это злить.

– Наверняка забыл. Может, вы сами что-нибудь вспомните? Из собственной практики.

Ответ последовал совершенно обескураживающий:

– В Монику Левински играть не придётся?

Об этом он совсем не подумал: у нас теперь что ни начальник, то мнит себя президентом Клинтоном. Но возмущаться сразу не стал. Решил сделать заход с другой стороны. Для проверки моральных качеств претендентки:

– А вы и это умеете?

Девушка озорно рассмеялась:

– Александр Петрович, голубчик, уж не с луны ли вы, часом, свалились? Чтобы в Москве дольше недели на таком месте продержаться, без навыков Моники Левински никак не обойтись.

Дело начинало принимать неприятный оборот. Сам он на роль хозяина Белого дома, разумеется, не претендовал. Однако окружающие вполне могли унюхать готовность новенькой к подобным проделкам и воспользоваться ею. Нет, тут нужно решительно расставить все точки над *i*.

– Давайте договоримся: эту тему мы затрагиваем в первый и последний раз. Запомните: ни один человек в банке, повторяю, ни один, какую бы должность он ни занимал, не вправе требовать от вас такой услуги.

Он отчеканил каждое слово, будто произносил его с трибуны. Потом, испугавшись, как бы излишний пафос не воздвиг ненужного между ними барьера, решил закончить в шутовском стиле:

– Разве что Билл Клинтон. Но он вряд ли будет у нас работать.

В этот момент Александр даже сам себе понравился. Но никакой благодарности не последовало. Напротив, в ответной реплике просквозила издёвка:

– Так все говорят. А делают наоборот. По мне, лучше договориться обо всём вначале. Я девушка простая. Надо так надо.

О проклятая русская покорность! Покорность и обречённость. Такое впечатление, что ей лучше услышать да, чем *нет*. Вот и подбери ключ к этому национальному характеру.

– Виктория, вы имеете дело с порядочным человеком... джентльменом...

Он начинал кипеть от негодования: что ещё сказать о себе, что добавить... Не излагать же политическую автобиографию. Да и послужит ли она сегодня положительным аргументом в такой ситуации?

Последнее слово сорвалось с языка случайно, от полного отчаяния:

– ...дворянином.

– Дворянином? – переспросила она. – А разве у нас ещё есть дворяне?

Только сейчас понял Александр, какую устроил сам себе ловушку: тут уже не место ни пафосу, ни браваде, ни юмору, ни флирту. На такой вопрос случайной ли попутчице, корреспонденту бульварной газеты или самому Господу Богу нужно отвечать одинаково и совершенно откровенно.

– Я не могу говорить за других, скажу только о себе: да, я дворянин. Несмотря на отмену сословных привилегий, экспроприацию имений, чудовищный остракизм прежних властей. Потому что дворянство – это не права, а обязанности. Обязанности, которые человек возлагает на себя сам, по зову крови, ничего ни от кого не требуя за их исполнение. Обязанности быть честным, порядочным, правдивым, заботиться о России, прилежно служить, не брать при этом мзду, не совершать подлых и гнусных поступков. И ещё много-много бесконечных «не»: не держать вилку в правой руке, не входить в дверь впереди дамы, не забывать в девятый день Пасхи посещать могилы предков, даже если ты атеист, не расточать семейных реликвий, не играть на профессиональной сцене... Дворянин – это человек, признающий массу ограничений, установленных предыдущими поколениями, их правила, принципы и даже предрассудки. Лишений в его жизни не меньше, чем у монаха в скиту, и все они абсолютно добровольные. Конечно, он может нарушить свой обет, но тогда навсегда потеряет право называться дворянином, потому что сегодня оно держится только на обязанностях: права-то давно отняты. Опять-таки, заметьте, потеряет не для других, – они его тайны могут и не знать – а для себя. Я тоже не хотел обнажать перед вами самое сокровенное, но вы невольно вынудили меня к этому. Я понял, что ваши сомнения в моей искренности развеять по-другому невозможно, вот почему и предпринял крайний шаг. Поверьте, после такой исповеди дело моей чести, чтобы никто к вам и мизинцем притронуться не смел.

Александр перевёл дух и взор: если, произнося свой монолог, он озирался по сторонам, воздевал очи горе и опускал долу, отчаянно при этом жестикулируя обеими руками, то сейчас смотрел прямо в глаза собеседнице.

– Скажите откровенно: вы верите мне, Виктория?

В этот момент вид его, возбуждённый, отчасти даже агрессивный, мог напугать любого. Но девушка равнодушно отнеслась к внезапному перевоплощению соседа по купе, ещё минут

пять назад совершенно спокойного и уравновешенного. Она кокетливо улыбнулась ему и шутливо пригрозила пальчиком:

– Э, нет, так дело не пойдёт. Что значит – мизинцем притронуться не смел? Ну и пусть притрагиваются на здоровье. Я за себя постоять сумею. Мне никакая защита не нужна.

Такой реакции Александр никак не ожидал. Он чуть не поперхнулся первым же словом, стараясь возразить как можно быстрее и резче:

– Я имею в виду не простое ухаживание, а злоупотребления служебным положением, незаконное принуждение, своеобразную форму насилия, когда жертва находится в служебной зависимости и не может дать отпор...

– Жертва всегда может дать отпор. Только хочет ли она этого – большой вопрос, – перебила его Виктория.

– Не понимаю, – начал было радетель нравственности и благопристойности, но его тут же осадили:

– Вот именно – не понимаете. Думаете, мы в ваших приёмных сидим из любви к факсам и телефонограммам? Ошибаетесь. Для нас это вид охоты, можно сказать, сафари. Мы знаем, что звери опасные, могут ранить и даже убить, но всё равно пытаемся захомутать и приручить какого-нибудь тигра, льва или леопарда. Таков закон джунглей, в том числе и ваших каменных. Не мы его придумали, не нам его и отменять. Вот так, Александр Петрович, предупреждаю сразу: я из числа тех женщин, которые нанимаются на работу не для того, чтобы к пятидесяти пяти годам получать меньше ста долларов от государства, а для того, чтобы заработать себе на остаток жизни пораньше и побольше. Уж извините, если что сказала не так, но, как говорится, откровенностью за откровенность.

Не ожидал он от сущего ребёнка такой зрелой речи. И по форме, и по содержанию. Меняло ли это его планы и намерения? Конечно же, нет. В конце концов, она права: даже целомудренная Верочка и та подцепила топ-менеджера Юру, сына крупного нефтяного магната. Теперь привяжет его к себе окончательно пуповиной младенца: знать надо этого телка – на верёвочке водить можно. И сколько ещё в банке таких женихов!

Бывают и совсем вопиющие примеры. В соседней башне секретарша окрутила самого президента. Семью бросил, жил чёрт-те в каком шалаше, чуть ли не у неё в хрущобе, оставив коттедж в Жуковке жене. Потом, конечно, заново отстроился, в соседнем посёлке, и всё наладилось. Правда, президент тот совсем не породистый, совсем чернозёмный, а у третьего сословия свои представления о жизни.

С другой стороны, случались подобные истории и в августейших семьях. В начале семидесятых один кронпринц привёз себе из-за границы принцессу-секретаршу. Теперь оба благополучно восседают на троне.

Наверное, она права. Татьяну Ларину тоже вывозили из глухомани в Москву, на ярмарку невест. Да, в каждые времена эта деликатная проблема решалась не без сложностей. Нельзя же, в конце концов, обо всех судить по себе: да, ему повезло, он женился по любви, не прилагая особых усилий, на барышне своего круга. Хотя о чём он: мужчине-то всегда легче.

Долгое осмысление услышанного вызвало новую паузу в диалоге. Викторию она напугала: ей показалось, что язык сослужил дурную службу, и хорошее место может так же быстро уплыть, как и замаячило на горизонте. Собеседница решила дать задний ход:

– Нет, вы не подумайте, будто я путана какая-нибудь. У меня не тот характер, чтобы торговать собою.

– Уж сразу – *торговать*. Некоторые, например, любят себя дарить, – решил продолжить щекотливую тему Александр, перейдя в более уместную для неё тональность. – Или сдавать в аренду.

– Это одно и то же, – авторитетно заявила Виктория, – слова только другие.

– Важно, не как это называется, а как часто случается. Один раз в жизни женщина может позволить продаться без всякого ущерба для собственной репутации. А вот дарить себя часто и беспорядочно – всегда считалось предосудительным. Такая щедрость позволительна лишь изредка.

– Извините, но это – та же проституция. Только не за деньги, а по бартеру: она ведь рассчитывает при этом на ответный подарок, – мудро заметила Виктория.

Собеседники словно поменялись ролями. Теперь блюстителем пуританского благочестия выступала она.

– Разумеется, ответный и соразмерный. Но прелесть вся в том, что презренный металл не участвует здесь никак. Подарок – суть проявления человеческой личности, его этических и эстетических представлений. Он, кстати, не всегда даже облачён в материальную форму.

– Не хотите ли вы сказать, – поспешила уточнить девица, – что ваше приглашение на работу можно рассматривать как подарок?

Однако же тяжело вести разговор с нынешней молодёжью! Вроде бы и логичный вопрос, но очень уж не ко времени и в лоб. Говорить «да» ещё рано, отрицать – сразу сжигать все мосты. Нет, грубо воспользоваться ей он никогда не сможет, даже если этого очень захочет она сама, но, как знать, вдруг у него возникнет к ней чувство. А что такое может произойти, он начинал интуитивно ощущать уже сейчас.

– Пока нет, – уклончиво попытался отшутиться Александр. – Подарок ведь должен понравиться, вызвать восторг. Иначе он считается сделанным не от чистого сердца. Так что считайте: никакого подарка до сих пор вам не предлагали. И потом не забывайте: зарплата, социальный пакет, пресловутый *конверт* – всё это не из моего кармана. Я и сам такой же наёмный работник. Так что разговор о подарке здесь совершенно неуместен.

– Допустим, это так, – гораздо более серьёзно, чем до этого, произнесла Виктория, – но я всё равно буду вам что-то должна.

– Конечно, – продолжил в прежней манере Александр: – не опаздывать, не грубить звонящим по телефону, не делать орфографических ошибок в письмах, не отправлять факсы по неверному адресу...

Она снова перебила его:

– Вы только сказали, что сами – наёмный работник. Значит, это всё не вам. А я говорю о долге перед конкретным Александром Петровичем, из плоти и крови, за устройство на хорошее место, которое мне, может быть, вовсе по заслугам и не полагается. Задаром у нас ничего не бывает. А если и бывает, то, как бесплатный сыр, – только в мышеловке. Неужели вы думаете, что такой мышке, как я, хочется в неё попасть? Между прочим, я никогда не делаю долгов, даже за день до получки. Поэтому мне важно знать: чем я должна отплатить вам за любезность. Неужели вы не понимаете, что каждая вторая секретарша, сидящая в клоповнике, наподобие моего, за такое предложение согласилась бы быть вашей Моникой Левински по десять раз на дню!

Александр решил снова уклониться от прямого ответа:

– Видите ли, Виктория, игра в Монику Левински, как вы изволите выражаться, очевидная гадость. Но мы же не вправе исключать, что между этими людьми – президентом и практиканткой – существовали не только порицаемые обществом отношения, но и такие, которые воспевают поэты. Наверное, не слишком уж они порочные создания.

– Моника здесь ни при чём, – сухо заметила настырная девица. – Это иносказание такое. Не называть же всякие мерзости своими именами.

– Ага, всё-таки – мерзости. Значит, вы подозреваете меня в намерении совершить мерзость. Как-то не очень любезно с вашей стороны, – перешёл в атаку Александр, воспользовавшись словесной небрежностью собеседницы.

– Все нет, – ничуть не смутилась Виктория. – Зачем вы так плохо обо мне подумали? Просто мне хочется совершить честную сделку.

– И чем же, по-вашему, честная отличается от нечестной?

– Тем, что честную общество порицает, а нечестную нет, потому что её воспевают поэты, – сделанной усмешкой ответила девушка, показавшаяся в этот момент Александру не такой уж дурнушкой. Очевидно, мышцы лица, ответственные за улыбку, на мгновение переменили его к лучшему.

Он отвлёкся, наблюдая изменение её внешности, и до него не сразу дошёл смысл сказанного. Впрочем, смысла и не было – был очередной вызов общепринятой морали.

– Если я не ослышался, вы ставите знак равенства между гадким и честным, с одной стороны, и романтическим и нечестным, с другой.

– Вы не ослышались.

– Как прикажете понимать?

– Очень просто. Если говорят: оближи мой ботинок – получишь сто долларов, то это гадко, но честно. Если говорят: я тебя очень люблю, но ты меня особенно возбуждаешь, когда лижешь мой ботинок – это романтично, но нечестно: тут ни любви, ни денег. Я давно уяснила: здоровый мужской инстинкт диктует желание поюзать каждую мало-мальски привлекательную женщину. Честность, по-моему, в том, чтобы не обманывать себя самого и не камуфлировать похоть под возвышенные чувства. Надо прямо говорить: да, я самец, а ты самка, мне тебя хочется, но не на всю жизнь, а на разок-другой, за это я могу дать тебе столько-то или сделать то-то и то-то, если ты согласна. Такой вариант я считаю честным. Но чаще бывает другой: крутят несчастной девушке голову, добиваются всего чего хотят, а потом заявляют, что больше от неё ничего не нужно, что она своё получила сполна, и они, мол, в расчёте. Романтики – выше крыши, но подлости – ещё больше, потому что самое дорогое для женщины – время, а его не компенсируешь ничем.

Боже, из каких книг она всего этого нахваталась? Ведь собственного опыта в восемнадцать лет – кот наплакал. Или специально учат их всякой дребедени в разных Ольгиных наставницы-доброхотки, пугая столичными сердцедами?

– Хватит, Виктория, хватит. Послушай теперь, девочка, меня, – прервал её монолог Александр. После такого потока инфантилизма, хотя и облечённого во вполне зрелые словесные конструкции (лишь словечко *поюзать* напомнило влияние молодёжной субкультуры), он уже не мог обращаться к этому наивному, но очень самоуверенному ребёнку на вы. – То, что ты говоришь, напоминает (в памяти почему-то мелькнула странная на первый взгляд аналогия) пятилетний план развития народного хозяйства, по которому мы жили, когда ты пешком под стол ходила. Всё в нём вроде бы хорошо и грамотно, составлен он с любовью к стране и людям, но вот беда: то эти гады-учёные компьютеры изобретут, то сотовые телефоны, то видеоманитофоны DVD-плеерами заменят, а в плане – сплошные пишущие машинки и чёрно-белые телевизоры с ручными переключателями. Неповоротливая промышленность и та от года кардинально меняется. Ты же чувства человеческие хочешь до конца дней расписать. Так не бывает. Сегодня мне кажется, будто я полюбил эту женщину на всю жизнь, но завтра встречаю другую, а послезавтра бегу к первой, потому что мои чувства к другой оказались чисто платоническими. Вот почему интимные отношения людей не могут служить валютой при расчётах за услуги. Ты сейчас в таком возрасте, когда секс вымещает из головы всё остальное, и тебе кажется, будто и окружающие только и думают о нём. Это далеко не так. С возрастом человек охладевает к подобным занятиям, они приедаются, как и многое другое. И вообще эротический интерес порождён инстинктом продолжения рода, а когда долг перед природой исполнен – он заметно снижается. Возможно, ты думаешь, что расплатиться за долги можешь только собственным телом, воображая его сегодня самым дорогим своим имуществом. Так вот уясни себе, детка: мы живём в России, нам западный принцип «ты – мне, я – тебе», идущий ещё из

Древнего Рима, в корне чужд. У нас есть свой: «ты – мне, я – другому, он – третьему, тот – тридцать третьему, а уж тридцать третий – тебе». Но даже если и непосредственно *quid pro quo*, то не сразу, чтоб должок поскорее спихнуть, а в нужную минуту. Ментальность народа, как известно, скрыта в его фольклоре. Вспомни сказку про Кощея Бессмертного. Что говорят разные звери, прося помощи у Ивана-царевича? «*Я тебе пригожусь*». И в критический момент выручают героя. Помогать надо тогда, когда это позарез необходимо. Если у меня есть возможность сделать добро – я его должен сделать. Тогда я получаю моральное право рассчитывать на ответную услугу. Неважно, с чьей стороны. Даже лучше, если происходит круговорот добра. Например, окрепнешь ты, станешь на ноги, отыщешь такую же смышлёную девчонку и поможешь ей, как однажды помогли тебе. Как знать, вдруг она окажется моей внучкой или правнучкой, которой сам я уже не смогу ничего сделать. Так и вернётся ко мне твой должок. Главное – носить его в сердце, а не стряхивать, как рукавицу. Желание за всё рассчитаться сполна и сразу – слишком простой уход от ответственности. Поэтому и не мечтай расплатиться со мной сегодня или завтра. Так легко не отделаешься! Твой долг отныне – нести эстафету добра. Россия наша, уж извини за высокопарность, стояла на этом и стоять будет. А всякие бартеры иноземные ты из головы выкини: они только для торговли годятся. Долг земной – это не товар.

Интересно, что она на это скажет.

– Ой, я вас, кажется, узнала. Вас раньше часто по телевизору показывали. Вы вроде бы депутатом были, – восторженно произнесла Виктория, и Александр испытал желанное чувство гордости за оставленный им в народной памяти след. Если даже девица, бывшая в ту пору подростком и жившая в провинции, помнит его интонации, манеру говорить, убеждать, значит, они чего-нибудь да стоят, значит, ещё пригодятся и востребуются. Нравоучитель в нём мигом отошёл на второй план, уступив место оратору, трибуну:

– Да, был. Моим словам доверяли миллионы людей. И ты должна мне доверять.

В этот момент за окном стало заметно темнее. Видимо, миновали какой-то подмосковный городишко и въехали в совершенно неосвещаемую полосу дачных посёлков. Из-за двери послышался голос проводницы:

– Санитарная зона кончилась. Туалеты открыты. Можно идти умываться.

– Наверное, пора укладываться, – сказал Александр. – Начнём с верха. Кто у нас наверху?

– Я, – бодро отозвалась Виктория.

– Тогда вперёд, на санобработку.

Пока соседка отсутствовала, он переоделся в пижаму и достал из чемодана туалетные принадлежности. Среди них и мыло, и полотенце, и даже туалетная бумага: казённое имущество ещё с советских времён вызывало у него брезгливое чувство, хотя в последнее время оно стало заметно лучше.

Вернувшаяся Виктория быстро, без помощи лестницы, взгромоздилась на верхнюю полку, где ей и в самом деле было удобней.

– Можно, я почитаю на ночь? – спросила она.

– Конечно. Мне это нравится вдвойне: во-первых, тогда смогу заняться тем же и я. Во-вторых, приятно встретить родственную душу, особенно среди современной молодёжи, не очень-то жалующей вниманием книги. Ты что читаешь?

Задавая этот вопрос, он внутренне сжался, ожидая услышать не вызывающее его уважения имя: ведь придётся признаться в невежестве – по-иному новое поколение и не воспринимает упорное нежелание старших знакомиться с современной белибердой. Ответ его удивил и порадовал:

– Бориса Васильева. «Глухомань» называется.

Этого автора он любил. И как писателя и как человека. Вышедший сравнительно недавно роман ему тоже нравился, хотя веяло от него полной безысходностью. Не мудрено, что угод-

ливая и продажная критика его просто замолчала, словно не выплёскивал именитый мастер свою боль на книжные страницы. О всяких постмодернистских поделках трубят день и ночь, а серьёзного произведения не замечают. Ничего не поделаешь, вырвавшийся из бутылки джинн дилетантизма властвует теперь везде!

– И как тебе книга?

Вопрос он задавал провокационный: произнесёт она или нет слово «нормально», звучащее из уст современного человека в девяноста девяти случаях из ста?

– Здорово. Всё очень жизненно. И герой смелый. Настоящий мужчина. Надо же! Девушка явно не безнадёжна.

– А что ещё ты читала у Васильева?

– «А зори здесь тихие». Это мы в школе проходили. «Завтра была война». Мне очень понравилось. Решила теперь посмотреть, как он о наших днях напишет.

– Что ж, молодец, что такой серьёзной литературой интересуешься, – похвалил её Александр и отправился умываться.

Понятно теперь, почему у неё правильная взрослая речь. Всё-таки как много зависит от книг! Все мы слышим на улице сплошной мат и неандертальское мычание косноязычной толпы, но продолжаем изъясняться на языке Пушкина и Бунина. Видно, потому, что много читаем. Телевидение теперь культуры речи не прививает, скорее, наоборот. Там уже значение слов стали путать. Недавно назвали *неприкасаемым* одного важного сановника. Совсем одурели: неприкасаемые – это самая низшая каста. А рекламу послушать – вообще волосы на голове дыбом встанут. Одна передача достойная была – беседы с Солженицыным – и ту с эфира сняли. Да, дали тогда маху с отменой цензуры! Отменять надо, но только политическую. Лингвистическую нужно обязательно оставлять. Ради сохранения культуры. Даже понятие в русском языке есть такое – нецензурное слово. Теперь получается – все цензурные. А манеры, интонации... Кого копирует сегодняшняя молодёжь? Конечно же, героев телеэкрана. А там – плебс густопсовый над русским языком издевается. Стремилась к торжеству свободы – получили торжество Элочки-людоедки. Попробуй сыграй её сейчас, чтобы авторский гротеск подчеркнуть, – на современном языковом фоне и не получится!

Когда Александр, выстояв очередь и неторопливо совершив все привычные процедуры, возвратился в купе, Виктория по-прежнему читала. Горел верхний свет. Он улёгся головой к двери (в поездах его вечно продувало из окна) и открыл книгу. Первый же вонзившийся в глаза абзац заставил внутренне содрогнуться:

«Он смотрел на её талию, на то самое узкое место, от которого фалдами ниспадала юбка. И он вспомнил её всю, нагую, и как его руки эту талию обнимали. И сейчас же в мгновенном озарении увидел её в образе стеклянных песочных часов, заключавших в себе время, словно струйку песка или каменной пыли, мельчайших частиц бытия, всего бывшего и будущего. В ней теперь поселилось всё его время: в этом тонком округлом русле, нежно-яростно стесняясь вместе – его прошлое и грядущее!.. Ему вспомнился странный языковой факт: “тали-я” по-итальянски будет “vita”, также как “жизнь”...»

– Скажи, Виктория, а как тебя дома зовут, каким уменьшительным именем? – решил вдруг спросить Александр.

– Кто как: мама – Викою, папа – Витей, а бабушка – Витой.

– Последнее мне нравится больше, – с радостным возбуждением заключил он. – Я тоже буду обращаться к тебе так.

– Хорошо, – сказала девушка, зевнула и захлопнула книгу. – Я кончила, а вы можете продолжать.

До конца очередной главы оставалась ровно страница. Начинать новую не имело смысла. Не хотелось светом верхней лампы мешать ребёнку переселяться в царство Морфея. Да и было над чем поразмышлять в темноте.

Ведь через несколько часов – а во сне они составят одно мгновение – он впервые окажется в местах, где должен был родиться, расти и, может быть, жить до сих пор, если бы не вмешался смерч истории, разметавший людей по земле в хаотическом порядке. Видно, хаос этот длится и поныне, раз только теперь едет он на родину предков, такую близкую и такую далёкую.

Надо подготовиться к необычному свиданию с прошлым, собраться с мыслями, продумать каждое слово. Так он и замышлял в суете московских будней, не оставлявшей времени для раздумий: настроиться на нужный лад по дороге, в поезде, где всё равно долго-долго не сможет уснуть.

И вот настал тот самый момент. Но в голову почему-то лезет только она, маленькая стройная девчушка, посапывающая на верхней полке.

Неужели за одни сутки могут произойти две такие разные и такие важные встречи?

Уснул он лишь после того, как во время долгой стоянки вдоволь налюбовался из окна видом вокзала в Орле, откуда поезд, сменив строгий курс на юг, свернул слегка в сторону новой западной границы России. Но так до последней минуты и не смог избавиться от мыслей о случайно (или вовсе не случайно) подвернувшейся ему в пути девушке со столь многозначительным именем.

Предание первое. Спасительное древо

В первый мартовский день Петька Мотыга, никогда прежде не бывавший в Москве, решил походить по лавкам иноземных гостей. Дело государственное сделано, теперь можно и о хозяйстве подумать. Многие из выборных, бывшие с ним на Соборе, уже всюю полнили свои дома разным диковинным товаром, а он всё глазел по сторонам, дивясь благолепию Белокаменной. Одно чудо на другом! И Царь-пушка, отлитая при последнем из Рюриковичей, когда сам он ещё пешком под стол ходил. И Иван Великий, достроенный совсем недавно, перед самым началом многолетней смуты, Борисом Годуновым. Даже не верилось, что от земли до купола колокольни аж целых сто аршинов ввысь!

Однако мечтам его не суждено было сбыться.

Сразу после утренней молитвы к нему подошёл келарь Троице-Сергиева монастыря отец Авраамий Палицын и грозно предупредил:

– Закончишь трапезу и тут же ступай в Грановитую палату.

Зачем, не объяснил.

В Грановитую так в Грановитую.

А там уже все главные бояре. Верховодит, как обычно, князь Фёдор Иванович Мстиславский. Одесную князь Иван Михайлович Воротынский, ошуюю боярин Иван Никитич Романов. Неслыханное дело: место-то издавна князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого! Да только времена ныне другие: как-никак Иван Никитич новому царю – родной дядя.

Усадили Мотыгу с такими же выборными от городов, на самую дальнюю лавку. Было их среди родословных людей всего ничего: по пальцам пересчитать можно.

Речь держал сам князь Мстиславский:

– Решили мы послать вас к государю царю и великому князю нашему в Ярославль или где он будет. Говорить ему наказываем так: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтобы тебе, великому государю, умилился над остатком рода христианского, многорасхищенное православное христианство Российского царства от растления сыроядцев, от польских и литовских людей, собрать воединство, принять под свою государеву паству, под крепкую высокую свою десницу, всенародного слёзного рыдания не презреть, по изволению Божию и по избранию всех чинов людей на Владимирском и на Московском государстве и на всех великих государствах Российского царствия государем царём и великим князем всея Руси быть и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву».

– А ежели откажется? – полюбопытствовал боярин Фёдор Иванович Шереметев, большой охотник примерить шапку Мономаха на свою собственную голову.

– Если государь не пожалует, станет отказывать или начнёт размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царём и ехал в Москву вскоре: такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотением, по избранью Бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своём митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он, государь, про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей, – пояснил князь Фёдор Иванович Мстиславский.

Послы тронулись в путь на следующий день. Так и не удалось Петьке разжиться гостинцами для батюшки, матушки и Любушки, невесты своей ненаглядной.

В Ярославле челобитчики Михаила не нашли. Люди сказывали, будто Марфа с сыном укрылись в Костроме, в Ипатьевском монастыре.

Только тринадцатого марта к вечерне добрались выборные до Костромы. И тут же послали юному государю просьбу их принять. Тот велел приехавшим предстать пред его царские очи уже наутро.

В урочный час направились послы к обители. Да не одни: с костромским воеводой и всем тамошним людом. Возглавили крестный ход рязанский архиепископ Феодорит, келарь Авраамий Палицын, архимандриты Новоспасского, Симоновского и Чудовского монастырей.

Феодорит нёс в руках чудотворную икону Божией Матери, взятую из собора Феодора Стратилата, моля про себя Богородицу снова спасти многострадальную Русь. Обрёл икону ещё святой князь Юрий Всеволодович в ветхой деревянной часоунице близ Городца. Название же ей дал брат его Ярослав, в крещении Феодор, получивший Владимирский стол после гибели Юрия в битве с Батыевой ордой на Сити. Ею же благословил сына своего Александра, при котором она была повсюду: и в Невском сражении со шведами, и на Чудском озере, и до самой блаженной кончины святого, охраняя его и вдохновляя на подвиги.

Рядом с Петькой Мотыгой шагали важные бояре Фёдор Иванович Шереметев и князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский, тут же окольный Фёдор Головин.

Марфа Ивановна и Михаил вышли навстречу крестам за монастырскую ограду. Поклонились образам. Часть пришедших стала на колени, и Петька вместе с ними. Первым заговорил государев родственник Фёдор Иванович Шереметев:

– Посланы мы к тебе, царь и великий князь наш, Земским Собором. Всяких чинов и всякие люди бьют челом...

Второй раз слышал Мотыга эти слова и удивлялся, как боярин мог их так точно запомнить. Он бы никогда не сумел. Видать, родословные люди и вправду особенные.

Не успел Шереметев закончить читать наказ, как Михаил с гневом и плачем прервал его:

– Не желаю быть государем.

Тут же вмешалась и Марфа:

– Не благословляю я сына своего на царство.

Сказав это, мать с сыном повернулись и собрались вернуться в свои кельи.

Петька, хорошо видевший обоих, аж съёжился со страху. Неужто все труды стольких людей напрасны, и русской земле снова сиротствовать, с ужасом подумал он.

– Вы бы уж в храм с нами проследовали, – не растерялся Феодорит.

Долго своенравная инокиня не поддавалась на уговоры, отказывалась войти в соборную церковь и сына туда не пускала. У Мотыги сердце от боли сжималось. Не выдержал он, вышел вперёд, бросился в ноги Михаилу:

– Великий государь, не обижай простых людей, за тебя молящихся...

Поднял голову, рассмотрел поближе нового царя. Боже святой, да ведь он совсем малец и ведёт себя по-детски: губы сомкнул, скулы дрожат, вот-вот расплачется!

Похоже, молящий взгляд Петьки растопил лёд в душе юного государя. Он сделал неуверенный шаг назад, вырвав руку из материнской ладони, и рёк:

– Так и быть: помолимся вместе за землю нашу русскую.

Под сводами храма челобитчики ещё раз повторили наказ и вручили молодому царю грамоты от Собора. Марфа снова завелась:

– И в помыслах нет у сына моего на таких преславных государствах, как Владимирское, Московское и прочие, быть государем. Ему и лет-то всего шестнадцать.

– Вспомни, Марфа Ивановна, сколько дяде твоего мужа, блаженной памяти его, было, когда он на трон вступил? – укоризненно спросил Авраамий Палицын.

– Иван Васильевич по праву первородства царём стал, его никто на Соборе не выбирал, – тут же нашлась Марфа. – Что ж поделать, коли он так рано осиротел.

– Ныне же вся Русь осиротела, – продолжал троицкий келарь. – Из отцовского рода царя Фёдора Ивановича больше никого не осталось, а Михаил Фёдорович – отпрыск материнского рода. Посему он и есть самый прирождённый государь наш.

– Куда же вы раньше смотрели? Когда кричали Бориску на царство, он что, прирождённым ещё не был? Почти тех же лет достиг, что и зять деда его в начале великокняжения своего. Тогда сына моего не замечали. Потому что вы, всяких чинов люди государства Московского, по грехам измалодушествовались, души свои каким только государям не давали, но и тем прямо не служили. Годунову в конце концов изменили, Дмитрия, хотя б и не настоящего, позорной смерти предали, Шуйского с престола свели, полякам выдали, и где косточки его, сами теперь не ведаете. Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирождённому государю государем? И его загубите.

– Окстись, Марфа Ивановна, – не выдержал такой хулы на людей русских архиепископ Феодорит. – Царь Борис сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень царевича Дмитрия, начал делать многие неправды, и Бог ему мстил кровь царевича Дмитрия богоотступником Гришкою Отрепьевым; вор Гришка-расстрига по своим делам от Бога месть принял, злою смертью умер; а царя Василия выбрали на государство немногие люди, и, по вражью действию, многие города ему служить не захотели и от Московского государства отложились. Всё это делалось волею Божьею да всех православных христиан грехом. Во всех людях государства Московского была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства люди наказались все и пришли в соединение во всех городах.

– Верно говоришь, владыко: во всех людях была рознь да междоусобие. И к чему это привело: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских разорилось до конца. Прежние сокровища царские, из давних лет собранные, в Литву вывезли. Дворцовые сёла, чёрные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены. А служилые люди бедны. И кому повелит Бог быть царём, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?

Все молчат, а Петьку словно бес в ребро толкнул – опять он на колени перед Михаилом пал и голосом зычным, за который в выборные и попал, пробасил:

– Не кручинься, великий государь, что казна пуста. За так, Христа ради служить тебе будем, голову свою за тебя положим, а уж ты благородием своим подашь нам избаву от всех бед и скорбей.

Марфа косо глянула на Мотыгу, хотела было цыкнуть на него, но вспомнила, что посланы к ней с сыном *всяких чинов всякие люди*, и заговорила о самом сокровенном:

– Как быть ему на государстве без отцовского благословения? А митрополит Филарет нынче у литовского короля в большом утесненье. Стоит только сведать королю, что на престоле Московском учинился сын его, тут же велит сотворить над ним какое-нибудь зло.

Феодорит ожидал такого поворота и слово в слово передал наказ бояр, мол, посылает Собор к королю предложение дать в обмен на Филарета многих лучших литовских людей.

С третьего часа до девятого били приехавшие челом, просили, чтобы государь с себя воли Божьей не снимал, но всё попусту: Михаил и Марфа отвечали, что ему быть на государстве, а ей благословить его на это – только на погибель.

Петька больше в разговоры не встречал, слушал других: и красноречивого Авраамия Палицына, и сурового архиепископа Феодорита, и хитроватого боярина Шереметева, и прочих выборных.

Наконец не выдержал Феодорит и грозно спросил, воздевая очи горе:

– Не боишься ли ты, Марфа Ивановна, что взыщёт Бог на сыне твоём конечное разоренье государства?

Марфа, конечно же, боялась вовсе не этого, а совсем другого. Но утомлённый долгой осадой таким количеством архиереев, бояр, служилых и прочих людей его юношеской души Михаил с плачем ответил, что во всём полагается на праведные и непостижимые судьбы Божии.

Тогда рязанский архиепископ протянул ему царский посох. Государь принял его, допустил всех к руке своей и твёрдо пообещал скоро отправиться в Москву.

Матери ничего не оставалось, как благословить его. Для этого Феодорит вложил в её руки чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери.

(Кто бы знал тогда, что новая династия, с каприза первого Михаила начинавшаяся, завершится капризом второго!)

Девятнадцатого марта новый царь выехал из Костромы. На третий день прибыл он в Ярославль, где и застрял почти на месяц: частью за дурной дорогой, но больше – из-за старых сомнений. Правда, вскоре по приезде написал в Москву Собору, повторив прежние свои слова, дескать, и в мыслях у нас не бывало на таких государствах быть, и потому, что мы ещё не в совершенных летах, и потому, что государство Московское теперь в разорении, да и потому, что люди по грехам измалодушествовались, прежним великим государям прямо не служили. Конечно, тут явно поработала рука Марфы. Но конец, похоже, Михаил сочинил сам: «И вам бы, боярам нашим, и всяким людям, на чём нам крест целовали и души свои дали, стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания нам служить, прямить, воров царским именем не называть, вора не служить, грабежей бы у вас и убийств на Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собою в соединенье и любви. На чём вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать».

На Георгия поход к Москве застал государя в селе Сваткове, куда на стан пришли к нему дворяне и дети боярские из разных мест бить челом, что переграблены начисто козаками, сечены ими, едва не убиты и спаслись лишь тем, что ночью развязались и убежали. А ехали одни к нему с грамотами, другие по прочим надобностям служивым. Разбойники же стоят на Мытищах, числом не менее двухсот, пешие и конные.

Стал тогда Михаил в Троицком монастыре и послал оттуда грамоту Собору: «Можно вам и самим знать, если на Москве и под Москвою грабежи и убийства не уймутся, то какой от Бога милости надеяться?»

Перепугались бояре не на шутку. Повелели двум атаманам через день осматривать каждую станицу, в Москве же во всех слободах и казачьих таборах заказ крепкий учинили, чтоб воровства и корчём не было нигде, и объезжих голов по улицам расписали. С отчётом о том сам боярин князь Иван Михайлович Воротынский поспешил навстречу царю.

Второго мая, ровно через два месяца после отъезда, вернулись послы в столицу. И впереди них ехал сам государь Михаил Фёдорович. Ещё за городом встретили их москвичи. Вышли все, кого ноги несли, и стар и млад. Новый царь проследовал в Кремль, где в Успенском соборе отслушал молебен, а потом долго стоял, пока прикладывались к его руке всяких чинов люди и здравствовали ему.

Там же десять недель спустя казанский митрополит Ефрем венчал его на царство по всем обычаям седой старины. Правда, государь указал для своего царского венца во всяких чинах быть без мест, поэтому Петьке Мотыге довелось оказаться совсем близко от помазанника, и он видел, как боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой держал скипетр, боярин Иван Никитич Романов – шапку Мономаха, вождь-освободитель князь Дмитрий Михайлович Пожарский, только что сказанный боярином, – яблоко, а боярин князь Фёдор Иванович Мстиславский осыпал самодержца золотыми.

На другой день праздновались государевы именины. Все выборные снова были приглашены в Грановитую палату. Вот тут-то и приветил Михаил старого знакомого – челобитчика, дважды бросавшегося ему в ноги в Ипатьевском монастыре.

– Помнишь, обещал служить не за страх, а за совесть и голову за меня сложить?

Петьку прошиб холодный пот, даже по спине струйка побежала, но он гордо ответил:

– Как не помнить, великий государь! Я и сейчас готов.

– Плохие вести идут из Северной земли. Поляки и черкесы города русские берут, а про воеводу тамошнего слух дошёл, будто он с врагами нашими ссылается. Приговорил я идти на них стольникам князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Михайле Матвеевичу Бутурлину. Ступай с ними поляков воевать да заодно поручаю тебе о воеводе сыскать крепкими сысками.

Так и не удалось Мотыге порадовать гостинцами батюшку с матушкой и невесту свою ненаглядную.

За месяц русское воинство освободило от непрошенных гостей Калугу, Вязьму, Дорогобуж и встало лагерем в двух верстах от Смоленска.

А перед тем было славное сражение под Белой. Осаждённые поляки сделали неожиданную вылазку в сумерках, стремясь застать неприятеля врасплох. Так и случилось. Нападавшие тяжело ранили Михайлу Матвеевича Бутурлина. Под Мотыгой убило лошадь, но, на счастье его – рядом с могучим раскидистым берестом. Петька – ловкий же чёрт – в последний момент ухватился за нижний сук, подтянулся и укрылся в листве. Ветви же, словно понимая грозившую ратнику опасность, сложились, сомкнулись вокруг него, пряча от постороннего глаза. Всю ночь просидел Мотыга, как сова, на ветке, боясь покинуть чудесным образом обретённое убежище. Молил Бога не призывать его к Себе до срока, пока он род свой не продолжит. И загадал он тогда: ежели удастся живым ноги унести, возьмёт с собой несколько орешков со спасительного дерева, возле дома посадит и крепко накажет потомству своему холить и лелеять молодой берест, покуда тот не станет таким же могучим, как его неожиданный защитник.

Под утро русские ратники побили поляков, и те вынуждены были сдаться.

К концу второго года осады, а по недостатку войск взять Смоленск так и не удавалось, царь отозвал боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, сменив его боярином князем Иваном Андреевичем Хованским.

Петька Мотыга, сделавшийся любимцем стольника, тоже вернулся с ним в Москву.

Государь велел приехавшим быть у своего стола. Боярин поведал ему, как многие ратные люди из-под Смоленска сбежали, а иные дворяне и дети боярские вовсе там не бывали. Видать, не ими войско полнить надо.

– А кем же? – поинтересовался Михаил Фёдорович.

– Всяких чинов всякими людьми, – первым ответил Мотыга, расхрабренный после похвалы царя. Заслужил он её за сыск о местном воеводе Артёмии Васильевиче Измайлове, облыжно обговорённом, будто он ссылается с литвой. Хоть дело такое было для него не за обычай, Петька лихо учинил допросы и обнаружил сплошные наветы на окольного.

– Добро, – сказал государь. – Дарю тебе за верную службу выморочную вотчину в Северной земле, а ты там новых ратников собери и князю Дмитрию Мамстрюковичу их приведи.

Смекнул Петька, к чему всё клонится. Обидно ему сделалось: пока другие себя богатят, он должен живот свой на алтарь Отечества приносить, а семья его втуне пропадёт. Так и за ним вотчина без хозяина останется.

– Разрешите мне, великий государь, – взмолился он, – навестить прежде батюшку с матушкой да с невестой обвенчаться.

Михаил поморщился, но от обещания царёва отречься не стал:

– Ладно, быть по сему: сперва женись, потом воюй. Но ежели удумаешь от ратного дела отложиться, то пеняй на себя – разгневаюсь.

Съездил наконец Петька домой, отвёз гостинцев батюшке с матушкой, уже не чаявшим увидеть его на этом свете, справил свадьбу с Любушкой своей ненаглядной и вместе с нею в Северскую землю отправился.

Первым делом высадил он близ нового дома стебельки, из орешков того могучего береста проращённые, и строго-настрога наказал молодой жене:

– Как зеницу ока береги. В засуху водицей поливай, в непогоду от ветру и граду укрывай. Знай: ежели они погибнут, то и я косточки свои в битве сложу.

Пока Мотыга поместье себе устраивал, по соборному решению, отправились под Смоленск не ратники, а уполномоченные послы – боярин князь Иван Михайлович Воротынский с товарищами. Но шесть съездов русских и польских послов в четыре месяца так ничего и не дали. Раз вышла поруха доброму делу, пришлось Михаилу Фёдоровичу снова послать воевод воевать литовскую землю. Однако тех стал теснить неприятель: сначала с дорог, потом из городов, а затем и сам королевич Владислав двинулся на Москву – напомнить о своём праве на русский престол. По дороге он без боя взял Дорогобуж и Вязьму: тамошние воеводы разбежались со страху. Правда, идти на хорошо укреплённый Можайск не решился.

Князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский стоял в то время в Волоколамском. Царь наказал ему перебраться в Рузу, а оттуда направляться к Можайску. Но по пути воеводу ранили из мушкета. Тогда государь велел находившемуся в Боровске боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому забрать его к себе.

Для переправки из можайского острожка пришлось выбрать ночку потемнее. Да ещё, к вящему счастью беглецов, с небес хлестало как из ведра. Петька Мотыга ни на шаг не отходил от раненого воеводы. Однако Бог миловал: Боровска достигли незаметно, а оттуда отправились в Москву.

Добро бы только Владислав целил на Белокаменную. С Северной стороны пошёл на неё и украинский гетман Сагайдачный. Князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому наказано было выступить наперерез ему, оставляя дорогу польскому королевичу. Владислав мигом очутился в Звенигороде. А вождь-освободитель в пути сильно занемог, и царь приказал ему тоже ехать в Москву. Так открылись обоим супостатам все пути к столице.

Пришлось обороняться у самых ворот города: Арбатских, Никитских, Тверских, Петровских, Сретенских.

Тут уж стояли насмерть. Бились с ожесточением и хитростью. Мотыга послал двух своих людей притворными лазутчиками. Те нарочно неверно назвали высоту стен, и поляки пошли на приступ с короткими лестницами. Вот была потеха! В общем, не дали неприятелю снова войти в стольный град.

Опять съехались послы говорить о мире. Сначала на Пресне, а с наступлением холодов – в деревне Деулине близ Троицкого монастыря.

Боярин Фёдор Иванович Шереметев с товарищами от имени великого государя Михаила Фёдоровича поступились несколькими городами русских, добившись взамен двух важных записей: во-первых, ныне и впредь статья не может, чтобы королевичу Владиславу быть на московском престоле; во-вторых, приговорили между великими российскими государствами и великими государствами – Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирие на четырнадцать лет и на шесть месяцев.

Ратные дела больше не чинились, и войско распустили по волям.

Защитник Тверских ворот, по милости царской, вернулся в свою вотчину не простым помещавшимся Петькой Мотыгой, а окольным Петром Берестовым.

Молодые деревца к тому времени вытянулись уже в человеческий рост.

Глава вторая

Конечно же, тучная проводница подняла их ни свет ни заря, начав колошматить в дверь и истошно вопить:

– Подъём! Подъём!

– Ladies first, – прохрипел сонным голосом Александр, стремясь выиграть хотя бы минут десять.

Но Виктория вернулась быстрее. Видимо, основной туалет отложила до дома.

Ему же нужно было привести себя в порядок по полной программе: не появляться же впервые перед земляками не совсем *comme il faut*. Кроме того, подобно Чацкому, предстояло попасть прямо с корабля на бал.

В этот день древний Ольгин отмечал своё восьмисотпятидесятилетие. Собственно говоря, по этому поводу и ехал на родину предков наш герой.

Но начался его путь намного раньше, ещё при жизни отца. Берестов-старший незадолго до кончины принёс из книжного магазина напротив писательской лавки какой-то дорожный атлас и стал внимательно, с лупой его изучать. Никто поначалу не обратил внимания на очередное чудачество старика, но как-то раз тот позвал сына, ткнул пальцем в карту и загадочно произнёс:

– Видать, стоит ещё.

Неправильно считать, что люди с возрастом становятся многословней. Культурная часть человечества, наоборот, с годами начинает экономить любую энергию, в том числе и речевую, пользуясь лапидарными способами выражения своих мыслей.

Александр недолго расшифровывал эту загадку. О селе Троицком он несколько раз слышал от бабушки, не очень-то любившей вспоминать вслух дореволюционную жизнь. Но всё же избегать произнесения этого названия ей не удавалось, особенно когда нравоучительные речи касались детства его отца, ангельского ребёнка в отличие от непоседы внука: мол, папа твой терпел там больше неудобств, но вёл себя гораздо лучше. Где там? У нас в *Троицком*.

На топографической схеме наименование села было набрано шрифтом, предполагавшим проживание в нём порядка тысячи жителей. Его почти пополам пересекала трасса областного значения. А где асфальт – и жизнь совсем другая. Да при таком количестве людей наверняка сохранились основные учреждения, инфраструктура, как теперь принято называть. Один из её элементов – почта – был даже запечатлён условным значком на карте.

– Да, если есть дорога и почта, видать, стоит, – подтвердил Александр.

– Надо бы съездить, – впервые в жизни произнёс эти крамольные слова отец, не пояснив при этом, кому они адресовались: себе или сыну.

Крамольные, потому что в годы советской власти и мечтать было заповедано, чтобы бывшему владельцу или даже его наследнику объявиться в экспроприированном имении. Во-первых, принадлежность к первому сословию все старались тщательно скрывать, опасаясь репрессий. Даже после пятидесят шестого года: как знать, чем обернётся эта оттепель, не похолодает ли снова – скинули же самым подлым образом её инициатора. Во-вторых, категорически неприемлемым считалось нарочитое упоминание конкретных реалий, связанных с прежним общественным положением. Прежде всего это касалось недвижимости. Её словно бы ни у кого не существовало. Если в принадлежности к проклятому классу человек ещё мог с определёнными оговорками признаться («чем я виноват, что в такой семье родился» или «совсем тогда маленький был»), то заявить во всеулышание о владении клочком земли с мало-мальски приличной постройкой почиталось абсолютно невозможным. Даже обезумевшие дряхлые старухи, не стеснявшиеся поносить советскую власть, обходили молчанием столь опасную тему. И уж, конечно же, в голову никому не приходило навещать родные места, где всё население

несколько десятков лет воспитывалось в духе классовой вражды и вытекающей из неё ненависти к прежним хозяевам. Тут можно было ожидать всего, вплоть до линчевания, даже в годы оттепели.

Но уже наступили другие времена. Теперь отношением к дворянским гнёздам можно снова если не гордиться, то, во всяком случае, козырять в доверительных беседах с понимающими людьми. Кое-кто заговорил и о возврате уцелевших развалин их бывшим владельцам (о сохранившихся в целости речь почему-то не шла). Всё равно, дескать, ничего не докажут, коль и живы до сих пор, а зато какой промoтiон новому мышлению!

Пётр Александрович Берестов оставался единственным наследником Троицкого. Но было ли что наследовать за канувшим в эмигрантскую небыть отцом?

Конечно, родителя волновал не имущественный вопрос: собственные воспоминания, подкреплённые видами на старинных фотографиях, не оставляли надежд на сохранность их деревянного дома, даже если и не спалили его, следуя тогдашней моде, любящие крестьяне. Строение непоправимо обветшало ещё до появления на свет маленького Пети, и в семье только и говорили: скорее бы кончалась эта война – надо перестраивать заново усадьбу. Старику хотелось ради торжества справедливости хотя бы на часок наведаться в село, где его крестили, где лежат на погосте останки предков, и, если сохранились какие-либо следы захоронений, выторговать себе самую маленькую толику дедовской земли: три аршина на могилку. О другой недвижимости он и не мечтал.

Ксения Георгиевна, как только поняла по намёкам намерения мужа, позвонила Александру и срочно вызвала его к себе для серьёзного разговора. Пользуясь глухотой супруга и всепоглощающей страстью того к операм (тогда ещё по телевидению их показывали), она прямо при нём, под оглушительный марш Радамеса, категорически потребовала, чтобы сын не потакал отцу в желании узнать что-либо про давно забытое село, не говоря уж о безумном плане его посетить. Поскольку без сопровождающего Петру Александровичу никак не по силам туда добраться, а компаньоном мог оказаться только он, мать взяла с Александра слово уклоняться под разными благовидными предложениями от поездки, даже в одиночку.

Придумывать предлоги не пришлось. В ту бурную пору исторических перепутий работать приходилось и день и ночь: к привычным повседневным заботам добавилась кипучая, отнимающая массу времени общественная деятельность, плавно перешедшая в политическую. Не получалось даже выкроить часок у мольберта. Отец всякий раз ворчал, но ничего не мог возразить на пространные объяснения сына, что тот, мол, трудится в поте лица, чтобы установить в стране совсем другие порядки, при которых их на руках отнесут в родовое поместье и даже выплатят компенсацию за незаконно отчуждённое имущество.

Старики делятся на две категории. Одни беспрерывно твердят о смерти и требуют от домашних относиться к себе, как к умирающим, словно кося уже маячит у дверей. Другие, напротив, вообще замалчивают эту тему, будто собираются пребывать в худшем из миров вечно, и даже не делают необходимых распоряжений, чем усложняют жизнь наследникам. К счастью, Пётр Александрович относился ко вторым и ни малейшим намёком не напоминал, что часы его в любом случае сочтены, что надо торопиться, и вовсе необязательно в таком возрасте дожидаться светлого дня, когда можно въехать в отцовское имение на белом коне.

Александр хорошо понимал мать и разделял её позицию. Ухаживать за могилой в шести-стах километрах от дома – абсолютно нереально. И кому она будет нужна дальше, после их собственной смерти? Он только боялся, как бы отец не затвердил свою последнюю волю на бумаге. Облечённая в материальную форму, она приобретала бы ту степень императивности, при которой порядочному человеку уже невозможно ею пренебречь. Впрочем, Берестов-старший категорического намерения покоиться в Троицком не имел: он обуславливал это разными обстоятельствами. Для выяснения их и требовался вояж в те края, а, затягивая его, сын пытался обезопасить себя от последствий возможного чудачества родителя.

Так и не довелось последнему обитателю старинной усадьбы найти покой под её кладбищенской сенью. Умер он неожиданно, во сне, а ещё днём последний раз в жизни произнёс сакраментальную фразу:

– Да, пора ехать в Трицкое.

Как ни странно, но именно с кончиной отца открылся Александру путь в родовые пределы. Однако набранный к тому времени общественный вес не позволял вольно плавать по морю житейских забот. Отправиться туда обычным образом: сесть в поезд, взять на вокзале такси и нагрнуть как снег на голову партикулярным человечком он не мог. Являться в качестве государственного мужа тоже не с руки: слепому было заметно, что романтическая волна конца восьмидесятых схлынула, вынеся на поверхность людишек второго ряда, будь то политика, экономика, наука, искусство, что угодно. А в их среде, холуйской по своей природе, не приветствовалось выпячивание благородной родословной, ибо сами они таковой не обладали. Настроение хозяев передавалось и холопам, сверху вниз, вплоть до отдалённых весёлых матушки-России. Так недолго и депутатский мандат потерять после неосторожного визита. Потонувшая в невежестве пресса, падкая на сенсации и высасывающая их из пальца, такое раздует – хоть всех святых выноси!

Но на пороге миллениума мандат он-таки утратил. Не помогло сдерживание всё больше жившего в нём желания. Незаметно для самого себя в последние земные годы Петра Александровича Берестов настолько проникся, буквально пропитался интересом к старине, что не мыслил будущего без поездки в Трицкое. И решил подсластить ею горечь поражения.

К счастью, губернатором той области оказался совсем не холоп, а вполне самостоятельный человек, генерал, сам потомок боярского рода. Но это было не единственной причиной, делавшей его белой вороной среди других региональных руководителей. Пост свой он занял не с помощью, а вопреки державной воле, выиграв в последний момент суд, позволивший баллотироваться на выборах (угодливые холуи первоначально его такого права лишили, введя на местном уровне ценз оседлости). Победив, генерал завёл в области новые порядки, не шибко считаясь с отношением к ним в столичных кругах. Он и до этого выделялся в кремлёвской свите склонностью к выражению собственного мнения, отличного от начальственного. За что даже поплатился почти пятью месяцами свободы, оставаясь в течение первой их половины номинально вторым лицом в государстве (случись что за это время с первым лицом – руководителем страны автоматически становился бы политический узник).

Сразу после неудачных для себя выборов, но ещё в ранге парламентария, Александр под деловым предлогом посетил губернатора в его кабинете на Большой Дмитровке (тогда ещё главы регионов *ex-officio* входили в верхнюю палату). Однако разговор об одном осиротевшем законопроекте занял немного времени, а большую часть беседы собеседники уделили теме несостоявшейся в России реституции. Вот тут-то Берестов и ввернул давно заготовленную фразу:

– Между прочим, у меня на вашей территории тоже кое-какие интересы имеются.

Губернатор, обладавший взрывным характером, выпалил мгновенно:

– Чего ж ты, Саша, раньше молчал? (Всех мужчин моложе себя он величал по имени и на ты.) Давно бы уж всё тебе и оформили.

В этот момент проситель почувствовал себя Чичиковым в гостях у Ноздрёва. Такой сгоряча и по дружбе что угодно *оформи́т*. Но надёжно ли это? Да и что оформлять – толком не ведали оба.

После уточнения содержательной части «интересов» решили, что отставной депутат в ближайшее время приедет, осмотрит всё на месте, и тогда они вернуться к начатому разговору.

Однако вскоре наступил Новый год, потом пошли святки, затем начался длительный процесс устройства Александра на новую работу. Поездка откладывалась и откладывалась. Чтобы

губернатор окончательно не забыл своего обещания, Берестов послал ему письмо с просьбой поручить местным чиновникам подготовить к его приезду кое-какие архивные выписки.

Когда он собрался было отправиться в путь, губернатор уже лишился своих полномочий, став жертвой новой интриги. На сей раз строптивца сняли с очередных выборов в самый последний момент, когда никакой суд уже не успевал исправить дело. Сценарий, разумеется, разрабатывался в другом городе, где излишне самостоятельного руководителя холуйское сообщество люто ненавидело и решило посчитаться с ним за всё сразу со всей свойственной этому сплочённому клану подлостью.

Однако на смену пришёл не ставленник интриганов, а, как часто бывает в подобных случаях, не вполне угодный им депутат-коммунист. Такое развитие сюжета полностью перечёркивало план Александра. Новый губернатор тут же повесил в своём кабинете портрет главаря шайки, ограбившей всех российских собственников, давая понять: за возвратом краденного сюда и не суйтесь. Неизвестно, как бы он отнёсся даже к невинной экскурсии барского отпрыска на родину предков. Вряд ли бы одобрил и уж, разумеется, хлеб-соль не вынес. В общем, просить поддержки у такого воеводы Берестов не решился. Какое-то время он находился в ожидании обещанного ему назначения в Совет Федерации и благоразумно оттягивал поездку до этого события. Но не сложилось: хозяева банка, в котором он работал, в последний момент поскупились, хотя с господами Никольским и Белоцерковским удалось договориться о вполне приемлемой цене.¹

Отныне прежняя дилемма перед ним не стояла: официальным лицом он быть перестал (очевидно, навсегда) и мог ехать лишь как лицо частное. Но вся беда в том, что к роли простого человека Александр не привык, вернее, отвык от неё, напрочь забыв старые времена, когда не почитался ещё общественным деятелем. Впрочем, даже в те далёкие годы простым он себя не считал. Его профессия выделяла тогда людей из общего ряда и ставила на одну доску с сильными мира сего: художник в глазах обыкновенных советских граждан выглядел ничуть не менее значимой персоной, чем секретарь райкома, а художник из Москвы для провинциалов потянул бы и на секретаря обкома. Но сейчас народ одичал настолько, что явись к нему сам Илья Глазунов или даже Илья Репин – бровью не поведёт. Берестов не был ни тем, ни другим, да и ремесло своё фактически забросил, сменив положение свободного творца на несвободного служащего. Несвобода выражалась во всём: начиная с необходимости отсиживать положенные часы в присутственном месте, кончая полной зависимостью каждого шага от желаний и даже капризов хозяев банка. Последние не относились к самодурам, напротив, стремились к демократичности и изысканности, но их хвалёная толерантность никак не распространялась на узкий круг приближённых, в который входил и Александр. С одной стороны, с его мнением считались и на предлагаемые им проекты не скупались, с другой, заставляли заниматься многими противными его натуре вещами. И всё же должность вице-президента всем известного и всеми уважаемого банка давала несравнимо больше, чем просто средства к существованию: статус в обществе, вполне сопоставимый с утраченным депутатством. Но вот незадача – *в обществе*, а за пределами кольцевой автодороги эта золочёная карета мигом превращалась в тыкву: там признавался только один банк – сберегательный, а про остальные даже крупные начальники слыхом не слыхивали и уж, конечно, никакого пиетета к их функционерам не испытывали. Даже простой художник был понятнее и уважаемее там, чем банкир. Ну а банкира, явившегося ни с того ни с сего в дедовское имение, однозначно восприняли бы как олигарха, нагрянувшего что-нибудь хапнуть у зазевавшегося народа.

Нет, представать впервые перед земляками в таком качестве он тоже не хотел.

---

¹ Никольский, Белоцерковский – вымышленные герои романа «Отпуск», знакомство с которым поможет понять смысл этой фразы (прим. автора).

Больше года провёл Александр в сомнениях, колебаниях, истощающих душу раздумьях о поездке, пунктом назначения которой постепенно становился словно второй горизонт: всё вроде бы просто, всё вроде бы рядом, только добраться никак не удаётся.

И вот весной пришло письмо. Администрация Ольгина извещала, что в сентябре состоится празднование восьмисотпятидесятилетия города, основанного князем Олегом Святославичем, праправнуком Ярослава Мудрого.

Ни даты, ни времени, ни точного места... Не ответив на главный вопрос, депеша породила новые. Откуда разузнали его домашний адрес? Приглашают или просто извещают? И в качестве кого?

Июнь и июль провёл он в нервном ожидании следующего послания. Но оно так и не поступило. В августе Берестов отправился в отпуск, где, купаясь в тёплом море и загорая на белёсом песчаном пляже, невольно выкинул из головы мысли об Ольгине.

Вернулся он домой первого сентября. Никакой конверт его в Москве не ждал. Видно, и в этот раз не судьба.

И вот неделю спустя раздался телефонный звонок:

– Александр Петрович? Вас беспокоят из Ольгина. У нас двадцать второго праздник. Вы приедете?

Поначалу захотелось отчитать звонящего за бесцеремонность и послать его к чёрту. Разве можно тянуть до последней минуты: у него на месяц вперёд всё расписано! Но очень уж располагал к себе анонимный голос. Даже на расстоянии чувствовалась совсем другая интонация, чем у московских порученцев. Этот человек сразу показался необычно добрым и интеллигентным, несмотря на полное незнание современного делового этикета. Да и двадцать второе приходилось на воскресенье, а однодневная отлучка в выходной из Москвы не нарушала его планов.

– Пока не могу ответить. Позвоните, пожалуйста, завтра, – дипломатично предложил Александр, рассчитывая выиграть время.

За день он обдумал план разговора с так и не представившимся ему человеком, и когда следующим вечером услышал в трубке его голос, начал с форменного допроса:

– С кем имею честь?

– Анатолий Сергеевич Стремоухов, – представился звонивший.

– Ваша должность?

– Заместитель главы города.

– Откуда узнали мой адрес?

– Нам переслали ваше письмо губернатору.

– Так это же было два года назад, – удивился Берестов.

– С тех пор мы вас и ждём.

Ничего себе поворотик! Выходит, бравый генерал со своей солдатской прямоотой отправил его личное послание прямиком в администрацию райцентра. А там готовы исполнять поручения любого из областных руководителей, даже отставного. Похоже, любезный приём ему обеспечен. Значит, можно идти напролом.

– Скажите, Анатолий Сергеевич, могу ли я рассчитывать на вашу помощь в посещении села Троицкое?

– Конечно. В воскресенье отметим юбилей Ольгина, а в понедельник съездим в Троицкое. Машину я уже заказал.

По понедельникам у них в банке оперативка. Но манкировать такой возможностью было бы глупо. Мечта сама шла в руки, безо всяких усилий с его стороны. Поездка в сопровождении районного начальника – о чём ещё большем мечтать! Сразу отпадают все нелёгкие объяснения: кто такой, зачем приехал, чего тебе надо.

– Извините, а в каком качестве вы меня приглашаете? – спросил он на всякий случай. Генерал мог и забыть о его неудаче на выборах – он подобные мелочи в голове не держал – и начертать категоричную резолюцию: выполнить все просьбы *депутата* Берестова. Не вышло бы конфуза.

– Вы для нас желанный гость. Единственный правнук по прямой линии Петра Александровича Берестова, крупного земского деятеля нашего уезда. Мы направили приглашения всем потомкам известных людей города.

– Положим, мне вы ничего не послали, – Александр решил всё-таки слегка пожурить Стремоухова. – Лишь немного подразнили весной.

– Почему же? – удивился тот. – Рассылкой занимался я сам. Извините, что получилось поздно, но нам только на прошлой неделе подписали смету и приказ. Мы ещё в первых числах сентября не были уверены, что праздник состоится.

Да, Россия есть Россия! Особенно в глубинке. Будто торжество можно организовать за полмесяца! Он мысленно представил себе, как придётся целый день сидеть в каком-нибудь замыганном кинотеатре, единственном на город, слушать приветственные речи, аплодировать местным передовикам производства и смотреть концерт художественной самодеятельности. Может, приехать только в понедельник, чтобы сразу отправиться в Троицкое? Впрочем, нет: так поступать, наверное, неудобно.

Его размышления породили небольшую паузу, воспринятую собеседником как знак неодобрения.

– Так вы приедете? – спросил он ещё раз и для оправдания своей настойчивости добавил: – А то нам уже пора заказывать гостиницу.

– Если вы обещаете мне экскурсию в Троицкое – непременно приеду, – успокоил его Александр, давая, однако, понять, что интересует его по-настоящему только визит в дедовское имение, а не какой-то наспех затеянный утреник. Да и утреник ли? – Кстати, во сколько и где у вас праздник?

– Программа обширная, займёт целый день. В пригласительном билете, который скоро к вам придёт, всё перечислено. Вас будут сопровождать всюду, где вы пожелаете побывать. Сообщите только, пожалуйста, номер вагона. Мы вас встретим на вокзале.

Оставалась самая малость: отпроситься на день (воскресенье не в счёт) у банковского начальства.

Наутро он попросил президента о внеочередной аудиенции и изложил ему всё как есть. Тот заулыбался:

– Делать нечего, господин помещик, придётся вас отпустить. Но с одним условием: и мне присмотрите по соседству какое-нибудь выморочное именишко.

В шутках этого лощёного парвеню, как уже давно заметил Александр, всегда надо искать пресловутую долю правды. Очевидно, он намекал на очередной оригинальный проект, связанный с недвижимостью. Берестов уже прославился в банке своей неистощимой фантазией, за что его, собственно говоря, и держали на этом завидном месте. За два с половиной года он придумал не одну идею использования земельного участка. Правда, все они касались либо Москвы, либо ближнего Подмосковья.

– Непременно, Михаил Давыдович. Соседей надо иметь состоятельных, чтобы сточные канавы на паях чистить, – в том же духе ответил Александр: шеф ценил лишь конгениальную реакцию на свой юмор.

Путей к отступлению больше не оставалось. Тут же был послан нарочный за билетами на поезд.

На следующий день Берестов отправился к одиноко жившей матери. Та отнеслась к его затее довольно хладнокровно: лично ей такая поездка больше ничем не грозила. Но не только для беседы с Ксенией Георгиевной, знавшей о Троицком ещё меньше его самого, наве-

стил он отчий дом. Нужно было взять все старинные фотографии родового гнезда и вообще порыться в домашнем архиве, который раньше он не баловал особым вниманием. Правда, благодаря бабушке, неоднократно и единообразно комментировавшей каждый снимок, хорошо знал содержимое семейного альбома. Любил смотреть в детстве и старинные открытки с голубками и ангелочками, но никогда не переворачивал их в попытке прочитать содержание.

Архив хранился в письменном столе отца о двух тумбах – единственном неизученном месте во всём доме. Ксения Георгиевна никогда не лазила по ящикам мужа при его жизни, а после смерти вообще не открывала их. Сыну она заявила, что всё в квартире должно оставаться в неизменном виде, пока она жива. Разумеется, содержимое тумб можно осмотреть, но не предавая никакой ревизии. За неимением времени и особого желания Александр так ни разу и не заглянул в бумаги родителя.

Теперь они становились для него более привлекательными, поскольку могли пролить свет на некоторые неясные вопросы.

Начал он с открыток, голубков и ангелочков. С трудом преодолевая воспитанную с детства привычку не заглядывать в чужие письма (и как только могут эти несносные литературоведы совать туда свой нос!), не всегда разбирая мелкий, бисерный почерк с давно отменёнными буквами и многочисленными французскими вкраплениями, сосредоточил внимание лишь на словах *Троицкое, имение и усадьба*. Остальные проскальзывал глазами, особенно не вникая в смысл написанного.

Улов оказался скудным. Многочисленные корреспонденты восхищались природой тех мест, приёмом, устроенным в Троицком, храмом со звонницей. Никаких других достопримечательностей в переписке не значилось. Лишь в поздравлении шестилетнему Пете с именинами, посланном из действующей армии летом семнадцатого, упоминалось какое-то дерево. Дед зачем-то просил маленького сына прорастить за домом снятый с него жёлудь, посадив в сажени от предыдущего. Открытка оказалась последней весточкой отрезанного войной и революцией от собственной семьи полковника русской армии Александра Петровича Берестова.

Более тщательные раскопки содержимого письменного стола были вознаграждены находкой относительно свежих записей, сделанных отцом в последние годы жизни.

Честно говоря, он это и искал. То, что старик готовился к поездке, ни у кого не вызывало сомнения. Будучи человеком обстоятельным, разумеется, составлял себе план, доверяя его бумаге.

На одном листочке Александр обнаружил тщательно выведенные в столбик имена и фамилии:

*Божкова Алёна
тётя Матрёна (молоч.)
Трофим, кучер
отец Варфоломей.*

Ниже, другими чернилами, видимо, вспомнилось позже:

*Сивков
Аристарх (невчий)
дядя Алёша.*

Одно имя – густо вымарано. Долго покорпев над ним, Берестов написал сбоку: Корней или Корнил?

Венчало список размашисто начертанное дополнение:

староста Василий, второй двор от храма.

На другом листке сохранился не то рисунок, не то чертёж. Некоторые обозначения без труда поддавались расшифровке, например, дом, церковь, кладбище, сад за домом, речка. Над

другими нужно было пораскинуть мозгами. Особенно загадочным выглядел маленький кружочек на противоположной стороне реки на равном отдалении от усадьбы и храма. Если соединить их – получался равносторонний треугольник.

В той же стопке оказался и мартиролог родственников, очевидно, захороненных на местном кладбище. Во всяком случае, перечень бесконечных Берестовых в колонку с указанием имён и отчеств иному толкованию не поддавался.

Самым существенным показался Александру лист с заголовком «План действий». Отец составил его не сразу, что также выдавали разноцветные записи. Состоял он из двенадцати пунктов.

1. *Найти могилы*
2. *Дерево! (взять орешек)*
3. *Заказать панихиду*
4. *Искупаться в реке*
5. *Сходить в лес*
6. *Отыскать людей*
7. *Вернуть долг внукам Трофима*
8. *Встретиться с благочинным*
9. *Сделать фотографии*
10. *Поговорить со стариками*
11. *Взять земли*
12. *Поставить крест*

От плана веяло наивностью и ребячеством. Первое выдавал самый начальный пункт. Какие там могилы спустя почти восемьдесят лет! Второе – желание сходить в лес и искупаться в реке. Видно, самые большие удовольствия, испытанные в шестилетнем возрасте, связывались именно с этими местами. И кого он хотел отыскать? Тётю Матрёну? Дядю Алёшу? Отца Варфоломея? Или певчего Аристарха? Впрочем, однажды реализм всё-таки прорезался: вернуть долг *внукам* Трофима. Интересно, сколько же мог задолжать маленький барчук своему кучеру? Монетку на пряник или леденец? Ох уж, эта дворянская шепетильность: взятое взаймы надо возвращать в срок! В срок, как видно, почему-то не получилось.

Но больше всего озадачил Александра второй пункт:

Дерево! (взять орешек)

Если в уплате долга потомкам давно истлевшего Трофима ещё и таился какой-то магический смысл, то что заставляло всю жизнь думать о просьбе (очевидно, невыполненной) отца и ставить её исполнение на второе по значимости место после поиска дедовских могил?

Да, опять одни загадки.

Листки с именами, чертежами, перечнем предков и планом действий Берестов аккуратно упаковал в красивую импортную папку, куда положил также все старинные фотографии Троицкого и копию своего письма бывшему губернатору.

Неохватная проводница снова бесцеремонно вторглась в купе, поведала о «своевременном прибытии в пункт назначения» и снова предложила чай. Виктория сразу же отказалась (зачем, когда скоро дома покормят полноценным завтраком), а Александру стало неудобно трапезничать в одиночку (на этот случай из Москвы ехали две сдобные булочки), и он последовал её примеру.

Но, как выяснилось вскоре, поспешил. Виктория, оказывается, собралась сходить с поезда на подступах к городу. Призналась в этом лишь после того, как он предложил ей место в обещанной Стремоуховым машине:

– Я до вокзала не поеду. Есть тут по дороге один полустаночек, совсем неподалёку от нашего дома.

Прощание оказалось скомканным: вместо часового разговора – минут двадцать. Может быть, и к лучшему: за час они бы неизбежно вспомнили вчерашний спор и неизвестно, как бы расстались. Александр почему-то побаивался отказа. Кто знает эту молодёжь, что у неё в голове: возьмёт да обернёт всё в шутку, мол, спасибо за предложение, но мне проще оставаться Золушкой, чем садиться в чужие сани.

Деловая часть расставания ограничилась передачей визитной карточки со строгим наказом звонить вечером во вторник – за инструкциями насчёт непременно свидания в среду.

– Спасибо, – только и ответила девушка, – я обязательно позвоню.

Слегка поколебавшись, спрашивать на всякий случай номер её телефона он всё же не стал. Будь что будет.

Остаток пути обсуждали предстоящий праздник. К удивлению гостя, хозяйка торжества о нём толком и не знала, лишь понаслышке.

Пригласительный билет пришёл Берестову перед самым отъездом. Вынув конверт из почтового ящика, он машинально сунул его в карман пиджака и так и не распаковывал. Вспомнил о нём лишь сейчас.

Они вместе прочитали «программу мероприятий». Марш духовых оркестров... героико-патриотический пролог... официальная часть... ярмарка... праздничный концерт... карнавальное шествие... встреча поэтов в сквере у памятника лучшему другу Маяковского (известный стихотворец оказался родом из Ольгина)... фейерверк... дискотека... Среди прочих значился и творческий вечер певицы Галины Долинг.

– Обязательно сходите, – посоветовала Виктория, – не пожалеете. Настоящая артистка.

Александр хотел расспросить подробнее: вдруг какая-нибудь современная эстрадная вертихвостка, нравящаяся лишь тинэйджерам, или грудастая исполнительница народных песен, поющая «под Зыкину» (ни того, ни другого он не любил), но попутчица решительно поднялась и почему-то протянула ему руку:

– Всё, мне пора. Стоянка здесь – всего одна минута.

Ничего не оставалось, как пожать девичью ладонь.

От этого соприкосновения – первого в их жизни – его чуть не подбросило вверх: какая-то неведомая искра пробежала по телу, стрельнула в спину и разошлась по ней приятным теплом. Подобное с ним случалось и раньше, но очень редко, лишь когда новый роман, тщательно вызревая, переходил из подготовительной стадии в практическую, и он первый раз прикасался к предмету очередного вожделения. Тут же всё случилось сразу и не по его инициативе. Да и держал в руке он всего-навсего ладонь.

Это был знак, несомненный знак свыше. Он обрадовал и испугал его одновременно. Обрадовал надеждой на взаимность, их телесной настроенностью друг на друга, полной плотской совместимостью (иначе никакой искры не возникает). Испугал тем же. До сих пор с такими юными особами он дел не имел и дал себе зарок не обращать внимания на девиц моложе собственного сына. К тому же им предстояло вместе работать. И, самое главное, всуе данное слово обязывало сдерживать все лишние эмоции.

Виктория не сразу отпустила его руку. Продолжая её сжимать, она, глядя ему прямо в глаза, лукаво спросила:

– И всё-таки, чего бы вы от меня хотели лично за свою любезность? С учётом всех ваших табу.

Ещё одна искра пронзила его, на сей раз не тело, а сознание:

– Я ведь, Вита, на самом деле не банкир, а художник. Я хотел бы написать с тебя картину.

В этот момент он даже представил до мельчайших деталей будущее полотно. Это будет современная девушка с античной талией в историческом пейзаже: вершина равностороннего треугольника с погибшей усадьбой и старинной церковью по краям. Да, именно она, Богом

посланное дитя, вернёт его к творчеству. Вот в чём её истинное предназначение, её место в его судьбе!

– Договорились. Постараюсь быть примерной натурщицей, – с улыбкой произнесла она, разжала ладонь, ухватила сумку и вынырнула за дверь.

Через несколько минут поезд неслышно затормозил. Берестов видел в окно, как Виктория ловко спрыгнула на усыпанную шлаком землю (платформы почему-то не оказалось), перескочила через соседние пути и направилась в сторону жилого массива. Когда скорый стал отъезжать, она обернулась и посмотрела вслед набравшему скорость составу. Их взгляды встретились. Так и не сказавшие друг другу до свидания, они лишь помахали на прощание руками.

Вернувшись в купе, Александр вдруг вспомнил о булочках, пожалел о незаказанном чае и торопливо проглотил свой завтрак всухомятку, в один присест.

Этим жестом он словно отчеркнул возвышенное от земного. Возвышенным представлялась некрасивая девица, которую он, несмотря на все внутренние запреты, грубо, по-животному возжелал. Земным – надвигавшаяся с каждой минутой встреча с родиной предков.

Не парадокс ли?

Нет. Первое, при всей предполагаемой телесности, оставалось мечтой, игрой воображения, а второе накатывало с неотвратимой неизбежностью, превращаясь по мере приближения из мечты в реальность, требующую приличествующих случаю слов, жестов, поступков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.